
Песнь Мучеников
Авилянов Михаил
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Михаил Аквилянов

Песнь Мучеников

«Автор»
2026

Аквилянов М.

Песнь Мучеников / М. Аквилянов — «Автор», 2026

Агитатора Ника едва не приносит в жертву подруга-химера. Он жаждет мести и понимания новой реальности, но его ждут допросы и передача под надзор военного трибуна террористов.Мрачный киберпанк с магией. Трансцендентные ИИ ведущие религиозные ордена. Генетические модификации как источник силы и инструмент порабощения. Институты истинного гуманизма, где нет места человечности.Политические игры перед началом вторжения. Под холодным белым светом башни герои династии пытаются отыскать свой путь.

© Аквилянов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 12
Глава 2 20
Глава 3 26
Глава 4 31
Глава 5 38
Глава 6 42
Глава 7 48
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Михаил Аквилянов
Песнь Мучеников

Пролог

Разряженная почти в ноль колонка хрипела, жевала слова и периодически замолкала. Всё равно песня была откровенно дрянной: традрок-группа «Зов Крови» отыскала свой рецепт успеха в кругах «Чистки» и никогда от него не отходила. Все тексты внушали гордость за то, что ты родился без генных модификаций и не воткнул в себя железки. Не важно — денег зажал или с изменениями небезопасно выходить из дома в районах, контролируемых институтом «Чистоты» и зависимыми от него бандами. Дальше тексты однотипных песен открывали нехитрую истину: мир станет значительно лучше, если завалить тех, кто оказался «испорчен», желательно кроваво. Как правило, это припев.

У Ника шумело в ушах, но походка ещё оставалась твёрдой. Он подошёл к дешёвой умирающей аудиосистеме и пнул её — насколько позволяла нарушенная алкоголем координация движений. Устройство упало и наконец заткнулось. Он поднял руку и прервал вялые возмущённые возгласы исходившие от владельца колонки.

— Всё равно сломалась, — заявил он и, придав голосу максимум доступной для него бодрости, продолжил: — Я хотел кое-что вам сказать.

Он обвёл глазами собравшуюся на крыше недостройки компанию — около двадцати человек — и надолго задержал взгляд на своей подвыпившей и оттого раскрепощённой подружке Шейн. Понял, что пауза затянулась и что он вот-вот лишится внимания аудитории.

— Пусть это будет тост, — усмехнулся Ник.

Он был профессиональным агитатором и самым старшим в иерархии собравшихся. К Чистке при этом относился формально: ему разрешали работать на их территориях, и он дружил с центурионами.

— Налейте мне!

Терек, рядовой из сотни Лейна, поспешно передал свой пластиковый стаканчик и пошёл добывать себе новый. Ник благодарно кивнул, отметив, что этот придурок уселся на освобождённое Ником место, в ногах у Шейн; согнать его Ник решил позже.

— Знаете, что это за место, где мы зависаем? — ответ ему явно был не нужен. — Это чудовище из бетона и металла проектировали как муниципальную больницу. В очередной раз они делали вид, что им не плевать. Выделенные деньги ушли на шлюх, тачки и дорогие хаты с видом на долбанные пирамиды. Неделю назад у Корни от лейкемии сгорел брат. Моя мать умерла от рака лёгких в год, когда эта больница должна была быть запущена. Они их убили! Как и тысячи других, десятки тысяч, сотни тысяч.

Толпа притихла — его слушали. Подобное всегда пьянило Ника больше всего остального.

— Три года назад тут окопались «Монстры», сделали из больницы лагерь для пленных. Двух моих друзей пытали до смерти здесь. Им повезло. Мою подругу насиловали, пока она не перестала дышать, и, как сказал один из немногих выживших, даже после. В ходе Реконкисты мы вернули контроль, смыли кровь с пола и стен — не очень тщательно; сегодня я видел её даже на потолке.

Он замолчал на несколько долгих секунд, вглядываясь в пустоту.

— Мы не сделали выводы! Мы принесли пластиковые цветы в память. Наш мир — долбаный ад! Что должно было нести жизнь — стало могильником. Мы пьём и танцуем на осколках былых стремлений, в угаре последней тёплой ночи октября. Мы можем лишь забыть! Так

мы выражаем свою покорность, так мы предаём павших. Мы ненавидим лишь тех, кого разрешают. Тот, кто столкнул нас с монстрами и заставил убивать друг друга, кто каждый день обрекает весь нижний город на существование, бесконечно напоминающее вымирание.

Ник продолжил едва переведя дыхание:

— Они в безопасности! Они сыты, здоровы, их дети живы и полны перспектив, украденных у нас. Наши жертвы для них не значат ничего! Они пересчитывают нашу кровь в прибыль, возводят на её фундаменте свои замки и башни, заливают ею баки своих танков, наряжают в неё своих любовниц. Нам оставляют кэшбэк в виде боли, сломанных судеб и пластиковых цветов под потолком, окрашенным кровью наших мучеников. Я помню имена жаждущих отмщения. Я не верю в их милость. Я заставлю их заплатить. Их страшный сон скоро станет явью.

Ник высоко поднял стаканчик.

— За то, чтобы каждый получил то, что заслужил!

Он выпил до дна, за ним молча последовали все.

Агитатор подхватил Шейн за руку и увёл к краю крыши. К его удивлению, она поддалась неохотно — обычно её заводили его речи. Открывался удручающий вид на бесконечные поля чадящих труб промышленной зоны. Прижал её к себе, попытался поцеловать. Она остановила его, положив руку на грудь, и отодвинулась.

— Ты хоть понимаешь, что только что сказал?

Она зло выговаривала каждое слово, будто сомневалась в его способности воспринимать смысл иначе.

Когда-то Шейн подхватила его у самого дна, стала для него источником вдохновения и верным союзником. Критику от неё Ник воспринимал очень болезненно. Шейн, всегда такая весёлая, была чуть не в слезах: кулаки сжаты, рыжие волосы растрепались по лицу, ещё сильнее оттеняя бледность. «На что она так взъелась?» — недоумённо подумал Ник.

— Монстры — насильники! Монстры — убийцы!

— Что ты, блин, несёшь? — ошарашенно спросил Ник.

— Ты серьёзно делаешь вид, что не понимаешь? Они же половины сказанного не поняли, не в состоянии. А вот про изнасилованную монстрами девчонку запомнят прекрасно! И знаешь, какое решение их покажется правильным? «Пойдём валить монстров!» — она гневно вскинула кулак в небо, немного пошатываясь, имитируя воодушевлённую реакцию на полные ненависти речёвки агитаторов Чистки.

— Я говорил не об этом, чёрт подери! — попытался оправдываться Ник, не ожидавший подобной вспышки.

Она просто перепила. Все они были уже слишком пьяны для адекватного разбора полётов. Ник ненавидел, когда Шейн расстраивалась. Он не мог припомнить, когда она плакала — слезоточивый газ не в счёт, — но сейчас подруга едва сдерживала слёзы. Ник привычно почувствовал себя козлом. Он попытался взять её за руку, но Шейн резко отдёрнулась, отступила на шаг.

— Ты нихрена обо мне не знаешь, Ник. Пусть так и останется.

Резко развернувшись, она пошла к выходу с крыши. Ник последовал было за ней, но подружка — видимо, уже бывшая — быстро подцепила под руку удачно подвернувшегося Терека, прильнула, что-то шепнула на ухо. Тот, даже не глянув в сторону Ника, улыбнулся и, обняв Шейн за талию, поторопился вместе с ней.

Глядя на удаляющуюся фигурку, Ник пытался переварить, что только что произошло. Не найдя ответа, он с тяжёлым сердцем отмахнулся от мысли, что стал актёром нелепейшего финала их истории. Направился к импровизированному столику с напитками. Схватив бутылку дрянного виски, опрокинул часть её содержимого в горло, не озаботившись стаканчиком.

Монстры действительно насиловали и убивали, в этих вопросах у них с Чисткой наблюдалась полная взаимность, отрицать это бессмысленно. Причиной их бесконечных конфликтов были верхние скоты из Триумвирата. Чужими руками они утилизировали протестный потенциал нижнего города: испытывали на нём вооружение и проекты, содержали высоко мотивированных, тренированных и прекрасно управляемых бойцов вассального тёмного Триумвирата.

— Чего это она? — Джинни, девочка, только недавно пришедшая в Чистку и с упоением слушавшая его речи, ласково положила ладонь ему на плечо, пытаясь подбодрить.

— Ничто не вечно, — философски ответил агитатор.

Ник заставил себя улыбнуться девчушке. А потом мир закончился…

Это произошло настолько внезапно, что органы чувств не успели обработать изменения. Первой накатила волна страха, резко сметая расслабляющий алкогольный дурман. Поддавшись ужасу, молодые боевики Чистки заозирались по сторонам, выискивая источник опасности. Некоторые достали стволы. Ник застыл, во все глаза глядя мимо Джинни, поверх её плеча — на огромную светящуюся Башню, вставшую, как колосс, посреди бескрайнего пустынного чёрного города. Она слепила глаза. Нечто внутри Ника потянулось к ней, не давая отвернуть взор.

— Что происходит? — в голосе Джинни послышались нотки паники, от её дыхания начал исходить пар, хотя минуту назад на улице было ещё тепло.

Шейн. Нужно быстрее идти за ней. Происходит что-то совершенно ненормальное. Не успел Ник рвануться к лестнице, как Джинни отбросило. Её подхватила неестественной формы тень, спикировавшая с чёрного, без единой звёздочки, неба. Огромная, тихая, она поглощала свет, искрилась тьмой, голодом и ненавистью. За первой последовала ещё одна, потом ещё и ещё. Десятки тварей пикировали на не успевших опомниться ребят, сталкивая с крыши и разрывая тела.

Кто порасторопнее, пытался отстреливаться. Один парень понёсся к тёмному проёму выхода, но стоило ему скрыться в провале лестничной клетки, как на крышу брызнула кровь. Через мгновение из проёма выкатилась его голова.

Выйдя из оцепенения, не дожидаясь, пока станет завтраком для гарпий, Ник схватил чей-то выпавший, скользкий от крови пистолет и бросился внутрь здания в поисках Шейн. После пяти выстрелов у него закончились патроны, и, так и не добравшись до выхода и едва увернувшись от очередной твари, он забился под козырёк проёма между крышей и трубой вытяжки.

Их вечеринка превратилась в бойню. Сердце билось где-то в горле. Паника, набиравшая обороты, добралась до самой высокой ноты и вдруг оборвалась, заполнив его душу искусственным, почти медитативным спокойствием. С того места, где затаился Ник, почти ничего не было видно; лишь белёсый туман, больше напоминающий странную воздушную реку, медленно сползал, перетекая через борт крыши. Мутноватый свет Башни пробудил в нём давно забытые ощущения. Он чувствовал, что совершенно не боится смерти: она лишь очередной шаг на его бесконечном пути.

Послышались чавкающие и клокочущие звуки, шум чуждого жизни дыхания. В его укрытие попыталась пробиться одна из теней, волоча за собой нечто. Наткнувшись на Ника, она удивлённо замерла. В зубах существо тащило то, что осталось от Джинни: верхняя часть туловища, часть лица оторвана, руки свисали, как плети. Кровь толчками вытекала из того места, где раньше были ноги. Девушка слегка подрагивала, или Нику это показалось. Он лишь отстранённо смотрел в глаза твари; та смотрела в ответ настороженно, будто опасалась, что Ник отнимет её добычу. Существо медленно попятилось, пока не скрылось из виду.

Поддавшись странному любопытству, будто загипнотизированный, Ник слегка перегнулся через борт — проследить за туманом. По какой то причине это показалось ему важным. Внизу, прямо перед зданием, замерли две фигуры. Отсюда сложно было различить детали, но

Шейн он узнал мгновенно. Вторая принадлежала мужчине — именно к нему стекались исходившие с крыши потоки. Казалось, весь ужас, накрывший крышу, стёк вниз и сконцентрировался в этом существе.

Шейн кинула нечто в сторону странного человека и побежала обратно к зданию. Существо не погналось за ней. Шаг и оно уже склонилось над оставленным предметом. Проследило за удаляющейся девушкой и перевело взгляд вверх, на Ника.

То, что он увидел в этих глазах, сознание захотело припрятать как можно глубже и больше никогда не выпускать наружу. Ника обожгло холодом, он упал на спину, приложившись головой о бетон прервав зрительный контакт. Его накрыла тишина.

Следующее, что он мог вспомнить, — это залитая кровью крыша под родным небом, тел погибших не было, только двое выживших. Один не переставая бормотал молитву, второй мычал и пытался заглянуть внутрь собственной черепной коробки, закатывая глаза вверх.

Шейн не вернулась.

У Ника шумело в ушах, но походка ещё оставалась твёрдой. Он подошёл к дешёвой умирающей аудиосистеме и с силой, которую позволяла нарушенная алкоголем координация движений, пнул её. Целился в борт, но устройство лишь упало и, наконец, заткнулось. Он поднял руку вверх, прервал вялые возмущённые возгласы, исходившие от владельца колонки.

— Всё равно сломалась, — заявил он и, придав голосу максимум доступной для него бодрости. — Я хотел кое-что вам сказать.

Он обвёл взглядом собравшуюся на крыше недостройки компанию: около двадцати человек, надолго задержал взгляд на своей подвыпившей и оттого раскрепощённой подружке Шейн. Поняв, что пауза несколько затянулась и он скоро лишится внимания аудитории, продолжил:

— Пусть это будет тост, — усмехнулся Ник.

Он был профессиональным агитатором и самым старшим в неформальной иерархии среди собравшихся, хотя и относился к Чистке весьма формально — ему разрешали работать на их территориях, и он дружил с центурионами.

— Налейте мне!

Терек, рядовой из сотни Лейна, поспешно передал свой пластиковый стаканчик и пошёл добывать себе новый. Ник благодарно кивнул, отметив, что этот придурок уселся на освобождённое Ником место, в ногах у Шейн, решив, что сгонит его позже, продолжил:

— Знаете, что это за место, где мы зависаем? — Ответ ему, явно, был не нужен. — Это чудовище из бетона и металла проектировали как муниципальную больницу. В очередной раз они делали вид, что им не плевать. Выделенные деньги ушли на шлюх, тачки и дорогие хаты с видом на долбанные пирамиды. Неделю назад у Корни от лейкемии умер брат, моя мать умерла от рака лёгких в год, когда эта больница должна была быть запущена. Они их убили! Как и тысячи других, десятки тысяч, сотни.

Толпа сидела притихнув, они слушали его. Подобное всегда пьянило Ника больше всего:

— Три года назад тут окопались «Монстры», сделали из больницы лагерь для пленных. Двух моих друзей пытали до смерти здесь. Им повезло. Мою подругу насиловали, пока она не перестала дышать, и, как сказал один из немногих выживших, даже после. В ходе Реконкисты мы вернули контроль, смыли кровь с пола и стен, не очень тщательно, сегодня я видел её даже на потолке.

Он замолчал на несколько долгих секунд, вглядываясь в пустоту.

— Мы не сделали выводы! Мы принесли пластиковые цветы в память. Наш мир — долбаный ад! Что должно было нести жизнь — стало могильником. Мы пьём и танцуем на осколках былых стремлений, в угаре последней тёплой ночи октября. Мы можем лишь забыть! Так мы выражаем свою покорность, так мы предаём павших. Мы ненавидим лишь тех, кого нам

разрешают. Тот, кто столкнул нас с монстрами и заставил убивать друг друга, кто каждый день обрекает на существование, бесконечно напоминающее вымирание, весь нижний город.

Его голос гремел, разносился далеко, но даже эхо не думало ему вторить.

— Они в безопасности! Они сыты, здоровы, их дети живы и полны перспектив, украденных у нас. Наши жертвы для них не значат ничего! Они пересчитывают нашу кровь в прибыль, возводят на её фундаменте свои замки и башни, ей заправляют свои танки и лимузины, в неё наряжают своих любовниц. Нам оставляют кэшбэк в виде боли, сломанных судеб и пластиковых цветов под окрашенным кровью наших мучеников потолком. Я помню имена жаждущих отмщения. Я не верю в их милость. Я заставлю их заплатить. Их страшный сон скоро станет явью.

Ник поднял свой стаканчик высоко и закончил:

— За то, чтобы каждый получил то, что заслужил! — Он выпил до дна, за ним молча последовали все.

Ник подхватил Шейн за руку и увёл к краю крыши. На его удивление, она поддалась неохотно, обычно её заводили его речи. Отсюда открывался удручающий вид на бесконечные поля чадящих труб промышленной зоны. Прижал её к себе, попытался поцеловать. Она остановила его, положив руку на грудь и отодвигаясь.

— Ты хоть понимаешь, что только что сказал? — Она чеканила каждое слово, будто заколачивала гвозди.

Когда-то Шейн подхватила его у самого дна, стала для него источником вдохновения и верным союзником. Критика от неё воспринималась Ником крайне болезненно. Шейн, всё время такая весёлая и жизнерадостная, была чуть не в слезах, кулаки сжаты, рыжие волосы растрепались по лицу, ещё более оттеняя его бледность. «На что она так взъелась?» — непонимающе подумал Ник.

— Монстры — насильники! Монстры — убийцы!

— Что ты, блин, несёшь? — ошарашенно спросил Ник.

— Ты серьёзно делаешь вид, что не понимаешь? Они же половины из сказанного не поняли, не в состоянии. А вот про изнасилованную монстрами девчонку запомнят прекрасно! И знаешь, какое решение их устроит? Что они услышали? «Пойдём валить монстров!» — она гневно подняла кулак в небо, немного пошатываясь, имитируя воодушевлённую реакцию, на полные ненависти речёвки агитаторов Чистки.

— Я говорил не об этом, кардинал подери! — попытался оправдаться Ник, не ожидавший подобной вспышки.

Она перепила. Все они были уже слишком пьяны для адекватного разбора полётов. Ник ненавидел, когда Шейн расстраивалась. Он не мог припомнить, когда она плакала, слезоточивый газ не в счёт, но сейчас она едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться, Ник привычно почувствовал себя козлом. Он попытался взять её за руку, но Шейн резко отдёрнулась, отступила на шаг.

— Ты нихрена обо мне не знаешь, Ник. Лучше, если так и останется.

Резко развернувшись, она пошла к выходу с крыши. Ник последовал за ней, но подружка, видимо уже бывшая, быстро подхватила под руку удачно подвернувшегося Терека, прильнула к нему, что-то шепнув на ухо. Тот, даже не глянул в сторону Ника, улыбнулся и, обняв Шейн за талию, поторопился вместе с ней.

Смотря на удаляющуюся фигурку, Ник пытался переварить, что только что произошло. Не найдя ответа, он с тяжёлым сердцем отмахнул мысль, что стал актором нелепейшего финала их истории. Направился к импровизированному столику с напитками. Подхватив бутылку дрянного виски, опрокинул часть её содержимого в горло, не озаботившись стаканчиком.

Монстры действительно насиловали и убивали, в этих вопросах у них с Чисткой наблюдалась полная взаимность, невозможно это отрицать. Причиной их бесконечных конфликтов

были верхние из Триумвирата: подобным кровавым образом те утилизировали протестный потенциал нижнего города, испытывали в нём вооружение и проекты, содержали высоко мотивированных, тренированных и хорошо управляемых бойцов вассального тёмного триумвирата.

— Чего это она? — Джинни, девочка, только недавно пришедшая в Чистку, с упоением слушающая его речи, она ласково положила ладонь ему на плечо, пытаясь подбодрить.

— Ничто не вечно, — философски ответил агитатор.

Ник заставил себя улыбнуться девчушке. А потом мир закончился…

Это произошло настолько внезапно, что органы чувств не успели осознать изменения. Первой накатила волна ужаса, резко сметая расслабляющий алкогольный дурман. Повинуясь нахлынувшему чувству безысходности, молодые боевики Чистки заозирались по сторонам, выискивая источник возможной опасности. Некоторые достали стволы. Ник застыл, во все глаза смотря за спину Джинни на огромную светящуюся башню, монолитом стоящую посреди бескрайнего и пустынного чёрного города. Она слепила глаза. Нечто внутри Ника потянулось к ней, не давая отвернуть взор.

— Что происходит? — в голосе Джинни послышались нотки ужаса, а от её дыхания начал исходить пар, хотя минуту назад на улице было ещё тепло.

Шейн. Нужно быстрее идти за ней. Происходит что-то совершенно ненормальное. Не успел Ник дёрнуться в сторону лестницы, как Джинни буквально смело в сторону. Её подхватила неестественной формы тень, спикировавшая с чёрного, без единой звёздочки, неба. Огромная, тихая, она поглощала свет, искрилась тьмой, голодом и ненавистью. За первой последовала ещё одна, потом ещё и ещё. Десятки тварей пикировали на неуспевших опомниться ребят, сталкивая с крыши и разрывая тела.

Кто порасторопней, пытались отстреливаться, один понёсся к тёмному проходу выхода, но стоило ему добежать до провала лестничной клетки, как на крышу брызнула кровь. Через мгновение из проёма выкатилась его голова.

Выйдя из оцепенения, не дожидаясь, когда станет завтраком для гарпий, Ник подхватил чей-то выпавший, скользкий от крови, пистолет и бросился внутрь здания в поисках Шейн. Спустя пять выстрелов у него кончились патроны, и, так и не добравшись до выхода, едва увернувшись от очередной твари, он забился под козырёк проёма между крышей и трубой вытяжки.

Их вечеринка превратилась в кровавую резню. Сердце пыталось вырваться из горла. Паника, набирающая обороты, застыла на самой высокой ноте и, неожиданно, лопнула, заполнив его душу искусственным, почти медитативным, спокойствием. С точки, где затаился Ник, было почти ничего не видно, лишь белесый туман, больше напоминающий странную воздушную реку. Он медленно сползал, перегибаясь через борт крыши. Мутноватый свет Башни пробудил в нём давно забытые ощущения. Он осознал, что совершенно не боится смерти, она лишь очередной шаг на его бесконечном пути.

Послышались чавкающие и клокочущие звуки, шум странного дыхания. В его укрытие попыталась пробиться одна из теней, волоча за собой нечто. Наткнувшись на Ника, она удивлённо замерла. В зубах существо тащило то, что осталось от Джинни: верхняя часть туловища, часть лица оторвана, руки свисали как плети. Кровь толчками вытекала из того места, где раньше были ноги. Девушка слегка подрагивала, или Нику это показалось. Он лишь отстранённо смотрел в глаза твари, та смотрела в ответ настороженно, будто опасалась, что Ник отнимет её добычу. Существо медленно попятилось, пока не скрылось из вида.

Поддавшись любопытству, Ник слегка перегнулся через борт, чтобы проследить за туманом. По какой-то причине, это показалось ему важным. Внизу, перед зданием, замерли две фигуры. Отсюда было сложно различить детали, но Шейн он узнал мгновенно. Вторая принадлежала мужчине, именно к нему стекались исходившие с крыши потоки. Ужас, что накрыл их, казалось, концентрировался в этом существе.

Шейн кинула нечто в сторону странного человека и побежала обратно к зданию. Существо не погналось за ней. Шаг — и оно уже склонилось над оставленным предметом. Проследило за удаляющейся девушкой и перевело взгляд вверх, на Ника.

То, что он увидел в этих глазах, его сознание захотело припрятать как можно глубже и более никогда не выводить наружу. Ника обожгло холодом, он упал на спину, приложившись головой об бетон и прервав зрительный контакт. Его накрыла тишина.

Следующее, что он мог вспомнить — это крыша под родным небом, всё залито кровью, тел погибших не было, только двое выживших. Один не переставая бормотал молитву, второй мычал и пытался заглянуть внутрь собственной черепной коробки, закатывая глаза вверх.

Шейн не вернулась.

Глава 1

Зрение ещё не прогрузилось: в уши ударила волна шума, яркий блик от диско-шара засветил в глаза, по груди разлилась выпивка. Какой то панк попытался отряхнуть одежду и, якобы случайно, потянулся к пистолету Джима. Тот резко прервал эти попытку толчком в грудь и ударом ребра ладони по руке. Придурок тут же растворился в глубине танцпола клуба.

Её симуляции всегда были странные, похожие на внезапное пробуждение. В этом был смысл, который ему никогда не нравился. Задев танцпол по касательной, Джим протиснулся к стойке. Бегло осмотревшись, он обнаружил искомое и направился к явно не скучающей Еве. Активно жестикулируя, она общалась с фриковатым киберготом. Дурацкая сцена, пришлось дёрнуть её за плечо, привлекая внимание.

— Убавь чёртову громкость! — Джим прокричал ей в ухо.

— Клёвый трек! — Ева вцепилась обеими руками в его худи и потрясла. — You're incapable to think or breath for yourself, — прокричала она, подпевая группе на сцене.

Они не в первый раз встречались в этом клубе: он был одной из любимых локаций Кардинала ордена Деконструкции по имени Ева. Джим вроде спрашивал, чем это место для неё сакрально, на клубную девочку она явно не подходила. Выбор этого пространства говорил о ностальгических настроениях Евы. Совсем небольшое заведение, весьма ламповая андерграунд тусовка: столики теснились у стен, по краям зала. Танцпол заполнен едва ли наполовину, но вёл себя весьма подвижно — видимо, группа была хедлайнером.

Во всех виртуальных симуляциях сгенерированных трансцендентным искусственным интеллектом, ТИИ, уровня кардиналов Церкви Превосходства отличить цифровой мир от реальности было проблематично. Но Ева осознанно шла иным маршрутом: не зацикливаясь на и без того безупречной достоверности, она вплетала в код обрывки личных воспоминаний, знаковых образов, запахов и настроений. Когда-то Джим сутками пропадал в её виртуальных полотнах, пытаясь нащупать их суть и разгадать ребусы. Ева ни разу не подтвердила ни его догадок, ни промахов, хотя Джим мог поклясться: эта игра увлекала её ничуть не меньше. К сожалению, сегодня у магистра Деконструкции не было на это времени.

— Твою мать! Убавь громкость, или валим отсюда! — громко он ей на ухо.

— We pull the strings, cut off the wings…

Пропела она уже спокойным голосом в его голове. Мир перед взором Джима приобрёл двойственность: внешний визуальный ряд и звуки стали приглушены — совсем немного, будто их пустили по другому, менее приоритетному, каналу. Сама Ева получила большую глубину, фокусировку и ощущение силы, подобно изображениям святых на древних иконах.

Она жестом отпустила парня, с которым тусовалась, отвернулась от сцены к стойке и потянулась за своим пойлом.

— Ты игнорируешь протокольные встречи, — поворчал он тихо, всё равно услышит.

Джим знал, что на своей территории она и мысли читать может.

— Берегу тебя от боли и печали, мой герой, — проворковала Ева, одаривая его милой улыбкой.

— Касательно голосования кардиналов… — Джим сделал попытку перейти к делу.

Ева перебила его, накрыв своё лицо ладонью

— Миссия по спасению полностью провалена. Расслабься, Джимми, как давно ты трахался в клубном сортире?

Она пробежала пальчиками по груди Джима, по месту, где недавно разлилась выпивка — пятно уже высохло. Её глаза осветились задорным огоньком, на слух плотно надавил тяжёлый и затягивающий музыкальный ритм, в нос ударил возбуждающий аромат её духов.

Все органы его виртуальных чувств были атакованы. Джим сделал глубокий вдох, противляясь наваждению и попытке отвлечь его от дела.

— В вирте или реале? — легкомысленно спросил он, контролируя собственный тон.

— Душнила.— обиженно отпрянула от него Ева и потянула напиток через коктейльную трубочку. Интенсивность воздействия заметно снизилась.

— Старик не нужен, на его место определён человек из Покрова, наш друг, — предпринял очередную попытку вернуться к текущей повестке магистр.

Долгие отношения Джима и его бывшего наставника, занимавшего в этот момент пост главы Церкви Превосходства, были весьма сложными. Когда-то именно Себастьян Ильман выступил для Джеймса Крейда и его друзей, таких же отпрысков церковной элиты, поводырём на запутанном пути тёмных чудес. Их совместный путь закончился весьма трагично, и Джим был не прочь свести старые счёты. Патриарх был прекрасно защищён от попыток осуществить возмездие как физически, так и возможными политическими последствиями. Рационализм Джима не позволял ему принять подобные риски. Однако сейчас, накануне существенных радикальных изменений структуры Триумвирата, спровоцированных лично Джимом, ситуация изменилась. Совет кардиналов орденов Церкви, её управляющий орган — Конклав был близок к принятию решения о смешении впавшего в блаженное безумие Ильмана. Орденов, а соответственно и кардиналов, с правом голоса в вопросе принудительного отречения было шесть: пятеро относились к официальной Церкви, и один к её теневой части — возглавляемым Джимом орденом Деконструкции. Насколько же иронично оказалось, что баланс голосов за запуск процедуры сакрификации делился ровно три на три. И решающий голос отдавала именно Ева, узурпировавшая место предыдущего ТИИ ордена.

— Мне нравится этот дед, всегда была без ума от трагических героев: мой отец, муж, и даже сейчас я работаю нянькой для одного из таких.

Ева состроила лиричное выражение лица, видимо, задумавшись о её богатом на специфический опыт карьере, до момента, когда она вошла в жизнь тогда ещё совсем молодого и перспективного Джеймса.

— Не завидую им. Мне всё сложнее выдавать твои решения за свои. Я твой магистр и куратор, — с ударением на последнем слове отозвался Джим.

Ева резко вынырнула из омута воспоминаний. Она прильнула к Джиму, начав возиться с его ремнём.

— Да, мой повелитель! — Её горячее дыхание обожгло ему шею. — Ты ещё не научился убедительно произносить фразу «Это было наше совместное решение»? — прошептала она ему, облизнув мочку уха.

Джим раздражённо прервал её попытки залезть рукой ему в штаны, однако отталкивать не стал.

— Пошла к чёрту, мой верный советник. — Он поискал рукой свой респиратор, заряженный мозговым стимулятором, однако Ева не загрузила этот объект: её откровенно бесила его зависимость от этой дряни. — Зачем он тебе? Его ангелы продолжают рыть под меня, даже когда сам Ильман в шаге от костра. Меня раздражает, что именно твой голос спасает его от сакрификации.

— Видишь, насколько он целеустремлён, разве не это отличает «право имеющего»?

Ева, как ни в чём не бывало, рассмеялась, напоследок легко прикусила его за шею и вернулась к своему напитку, позволяя несчастной жертве агрессивных домогательств перевести дух.

— Они рыщут компромат, чтобы принудить меня к поддержке этого психа. Одного их агента убили при задержании, вторая скрылась, прикончив нашего офицера безопасности и унося в клювике протоколы наших проектов, к счастью, сфабрикованные, — скучающим тоном продолжил Джим, поправляя ремень.

— Наших проектов? Общих? Ты уже думал, как мы назовём наших детей?

Если она не хочет отвечать, придумает, как увести разговор в сторону самыми разнообразными способами. Сосредоточиться при общении с Евой всегда было испытанием; вероятно, это часть непрекращающихся тренировок его воли и разума.

— Если пацаны, то Фобос и Деймос. Если девчонки — пусть будут Сциллой и Харибдой, — пожал плечами Джим.

— Сцилла и Деймос, значит… — задумчиво, будто речь зашла о чём-то действительно важном, произнесла она. — Идёт. Порой я не совсем жалею, что избрала именно тебя в качестве своего чемпиона. У тебя есть вкус.

Джим в очередной раз задумался, как муженёк Евы её выдерживал и точно ли это были самоубийства, про которые она ему рассказывала. Частота, с которой кардинал переводила тему, превышала все допустимые нормы, угрожая окончательно вывести его из себя, а это достижение, даже для Евы. Может, её взломали, и это осталось незамеченным?

— Ты — вирус, который сожрал Кардинала. Мне уже такой достался, бракованный. — Он взял её бокал и, проигнорировав трубочку, отпил через край, слегка поморщившись: слишком сладко на его вкус. — Вопрос, кто кого избирал, остаётся открытым. Не сказал бы, что у тебя было много вариантов среди членов старшей Династии в рядах церковников.

— Не вижу противоречий, Джимми. — Она сгенерировала сигарету у себя во рту, затянулась и выпустила дым в его сторону: очередная демонстрация недовольства, но вроде бунтарские настроения пошли на спад.

— Ты мне на вопрос ответишь или так и будешь извиваться, как подвергнутый интенсивной термической обработке уж?

Она глубоко вздохнула и будто смилостивилась и снизошла до ответа:

— Патриарх — фигура, читай, герой. Мы не жертвуем ими накануне заварушки, даже если он переманил твою школьную подружку, — ехидно заметила она.

— Я и в школу-то не ходил.

Индивидуальное обучение, — рассеянно произнёс магистр, отбирая у неё сигарету и туша её об стойку. — Отпускаю одно голосование. Строго при условии предоставления аналитического доклада о целесообразности. После отрублю тебя мануально, — спокойно произнёс Джим.

— Диктатор! Ещё спрашивает, почему я с ним на свиданки не хожу, — Кардинал обиженно надула губки.

— Хватит! — громко сказал он; звуки клуба на мгновение пропали. — Ты права, заварушка ближе некуда, и я желаю быть уверенным в своих ресурсах, ты в их числе.

— Уверенность не для нас и наших чад, мой герой, приходится оперировать вероятностями, — грустно произнесла Ева.

— Кстати, о детках. Предоставь текущий статус членов Династии, — сухо попросил магистр.

Она нахмурила брови и сосредоточенно изучала дно бокала долгие пять секунд. Её глаза заволокла едва заметная дымка.

— Лето и Сир функциональны. Каррен полностью поглощена сохранением жизни патриарха. Констатирую наличие у Сарры и Беллы кризиса идентификации. Ник, насколько я могу проанализировать, успешно пробуждён, но испытывает определённые сложности с локальной администрацией Чистки — рекомендую экстренное вмешательство со стороны Лето. Шимо от меня скрывается, как обычно. Спящий, насколько могу судить, никуда не делся — вероятно, потому что спит, и мы ему лишь снимся.

Её слегка передёрнуло. Секунду спустя, вернув присущую ей на протяжении их встречи игривость, она протянула:

— В вирте… Тот вопрос, что я задала, — разумеется, я про вирт. Твоя реальность представляется мне слишком эфемерной.

— Система — выход! — скомандовал Джим.

Он знал свои слабости и очень не любил им потакать.

***

Этот мир сломался, новый нести никто не спешил. Ник и не просил поторопиться. К старому-то претензий хватало, но тот был понятен; сейчас же он казался недолюбленной злобной псиной, которая, скуля, умирала под забором в сознании агитатора.

Стук в дверь.

Если решат ломать, хватит одного удара, но открывать самому категорически не хотелось. Вчера достаточно пообщались. Его выпустили спустя шестнадцать часов интенсивного допроса. Дознаватели «Чистки» жаждали узнать: почему их братья пали агнцами, принесёнными в жертву, и зачем Ник привёл их в ад, оставив оплачивать счёт, выставленный местными демонами. Почему его отпустили после «беседы», он так и не понял: раздался звонок, после которого побледневший Мигель приказал отвязать Ника и вернуть домой.

Пол-лица занимал заплывший синяк — творчество самого заведующего кафедрой. Но больше всего Ника печалили выбитые зубы. Страховки у него не было, а пустые после визита «Чистки» тайники намекали, что с дикцией теперь будут проблемы. Голос — его главный инструмент; оставшиеся два — голова и душа — пребывали в столь же плачевном состоянии.

До вчерашнего вечера на недостройке Ник оставался убеждённым материалистом марксистского толка, но те твари и Башня из неровного белого света не разделяли его взглядов. Придётся либо вписать их в картину мира, либо смириться с тем, что окончательно сошёл с ума. Пока Ник склонялся ко второму варианту как к наименее энергозатратному.

Стук повторился.

«Третьего раза уже не будет», — уверенно заключил Ник. Сейчас его бывшие ученики и друзья ворвутся в берлогу и потащат на продолжение допросов.

Истоки нынешнего кризиса крылись в знакомстве с Шейн. Она подхватила его у самого дна, стала непрошеной причиной возрождения и прервала затянувшийся марафон саморазрушения. С ней он вспомнил, что вербовать пушечное мясо для городских когорт — не единственное его призвание, скорее мутный осадок на донышке таланта идейного лидера РевКома. До своего падения Ник посвящал всю жизнь приближению социалистической революции. Слишком долго были законсервированы несправедливые устои. Нищее, забитое, немое большинство со скрипом и болью от бесконечной кровопотери всё же нашло в себе силы породить РевКом — и Прометея в частности — в ответ на неустанный гнёт идеологий и корпораций.

Шейн ушла, оставив его опустошённым духовно и физически. Вероятно, «Чистка» отправит его под землю или на свалку.

Но пока этого не случилось, он жаждал увидеть её ещё раз. Это хватило бы. Он успел бы сказать и сделать то, чего требовало пламя в душе. Из головы никак не шёл тот момент, когда она что-то бросила монстру. Если поначалу Ник списал это на инстинктивную попытку отбиться от упыря, то теперь, покадрово прокручивая сцену в памяти, всё больше склонялся к мысли о переданном послании. Пессимистичный разум трактовал это как предательство со стороны его музы. А может, это была лишь соломинка, за которую цеплялось сознание, чтобы не признавать её погибшей в той мясорубке. Революции придётся немного подождать, пока он не решит для себя этот вопрос. Никуда она от него не денется.

Дверь сорвало с петель — она даже не скрипнула, словно картонная. Легионеры института «Чистоты» ввалились в неуютную берлогу и потащили Ника к ожидавшему внизу эскорту.

В машине — трижды перекрашенном и битом внедорожнике — преимущественно молчали. Двое знакомых по клубу парней косились на него недобро и настороженно. Позавчера их дёрнули по делу, поэтому они пропустили тусовку у недостроя — и потому выжили. Цен-

турион Лейн, друг детства Ника, на него не смотрел. Неформально он был его поручителем и патроном в организации.

За окном тянулись районы, где Ник родился и вырос, где жил и работал. В юности он даже состоял в местных бандах ауксилии, как и дожившие до сегодняшнего прекрасного дня друзья детства — теперь, разумеется, входившие в основное ядро организации. Эти кварталы держал институт «Чистоты», или проще «Чистка»: милитаризированные до зубов шовинистические мрази, готовые пришить человека за любые видимые модификации. А порой и за невидимые, хотя хорошим тоном всё же считалось сначала придумать для подозрений хоть какой-то повод.

«Чистка» была лишь маской, под которой Нижний город подминало «Основание». Наверху сидела нео-аристократия Триумвирата идеологий, заменивших государства и подмявших под себя корпорации:

Институты «Основания» — традиционалисты, адепты идей о совершенстве человеческого тела и духа. Они отрицали любые вмешательства и делали ставку на предельное раскрытие внутренних резервов.

Ветви Развития «Вида» — ублюдки, выбравшие, по их заверениям, путь ускоренной биологической адаптации. Профессиональные и смелые за чужой счёт игроки в бога, в которого Ник не верил. Они перекраивали тела своих адептов, а порой и врагов — ради эффективности, странной моды или просто потому, что это забавно и на это находился покупатель.

Ордена «Церкви Превосходства». Эти искали силу в сторонних усилениях. Имплантация, протезирование, сращивание сознания с сетью — избранный ими путь к бессмертию, пока хватает средств оплачивать счета за электричество для их прожорливых дата-центров.

Об этих идеологиях можно было рассуждать долго, однако Ник не хотел — он видел их всех в одном гробу. Верхние были помешаны на перетягивании контроля и ресурсов. Когда это одеяло трещало и рвалось, расплачивались за их игры народные массы. Элиты Триумвирата жили в башнях из слоновой кости, и каждая отбрасывала тень — свою нелегальную, искажённую копию — на родной для Ника Нижний город. Эти организации формировали «Тёмный Триумвират».

Помимо «Чистки», которая была тенью «Основания», внизу орудовали и остальные.

Тенью «Вида» стала ветвь «Низвержения». Даже родительская организация в неформальных беседах называла их «Монстрами» — проекты, с которыми верхним соседствовать не хотелось, а заодно и пополнение ресурсной базы, органов и биоматериалов, сбрасывали к нижним. Эти против такого подхода, видимо, ничего не имели.

«Церковь» же вынесла за пределы официальной доктрины орден «Деконструкции», они же «деки». Их секты держали чёрный рынок имплантов без гарантийного обслуживания и львиную долю нелегального цифрового трафика. В виртуальной реальности и взломанном корпоративном софте прятались их бэкдоры — «деки» дёргали за эти ниточки, стоило лишь возникнуть нужде. Можно было ночью погонять на пиратском сервере любимой игры, а наутро обнаружить себя в казематах корпоративной полиции за участие в масштабном киберпреступлении. Но слишком уж заманчивыми были их предложения для хронически нищего населения, чтобы устоять. Так шла борьба за бессмертные цифровые души низов.

Нижний город был обширен. Хватало в нём места и для независимых от Триумвирата фракций — разумеется, террористических. Самой крупной и зубастой была «Свобода» — группировка либертарианского толка, боровшаяся за радикальное снижение роли идеологий в управлении обществом. «Свобода» объединила многих действующих и бывших офицеров безопасности и корпоративных копов, задушенных надзорными органами Триумвирата.

Другой силой был «РевКом» — союз социалистических идеологов со штыками «вольных бригад». Ник, точнее его альтер эго Прометей, был из этих.

Плюс ещё уйма организаций и культов поменьше, способных влиять на жизнь города. Пёстрое одеяло — как будто без него проблем не хватало.

Когда машина остановилась и легионеры вышли, Лейн, нарушив тишину, торопливо бросил:

— Ник, два совета: первый — ты эту шлюху, Шейн, не знаешь; второй — никакой херни про тёмный ад и твои грехи, что ты заливал Мигелю. — Для наглядности центурион показательно разгибал пальцы. — Сильно ты его расстроил. Сарра тебя вытащит. Пошёл!

Ник вывалился из машины. Какая, нахрен, Сарра?

«Долг чести», он же «ДаЧ» — его любимый клуб, собранный из сваленных друг на друга безразмерных морских контейнеров. Заведение отличалось отвратительной акустикой и ещё худшей звукоизоляцией. Пустынный утренний зал, обычно отданный под танцпол, довольствовался двумя посетителями за пластиковым, обитым для прочности жестью столом: нервно покосившимся на вошедших Мигелем и задумчиво курившим аристократом Основания, который вырядился парнем из низов — куртка из кожзама и милитари-брюки. Верхние всегда бросаются в глаза, эта маскировка в равной степени смешна и оскорбительна. Парень казался Нику смутно знакомым, хотя припомнить, когда он напивался в компании мажоров, не получалось. Мигель жестом прогнал сопровождение и поманил Ника рукой.

— Лето, познакомьтесь — это Николай Цейт, наш главный свидетель по делу.

Верхний окинул Ника слегка рассеянным взглядом и кивнул на место напротив:

— Ник, присаживайся. Что с лицом? Это ты в «Аду» так пострадал? — Лето сделал ударение на слове «Ад», словно иронизируя над термином.

«Шутник», — мысленно констатировал Ник, а вслух произнёс:

— Почти. Меня так отмудохал Мигель и ваши «спецы», — вернул ударение он.

Тишина затянулась. Мигель задержал дыхание и пялился на Ника с едва сдерживаемой яростью.

— Занятно. — Лето слегка улыбнулся. — Я предполагал, ты скажешь, что упал. Ведь если для тебя всё закончится хотя бы отчасти благополучно и ты вернёшься к привычной жизни, Миг может и спросить за такую рецензию.

— Всё не закончится благополучно ни полностью, ни отчасти. Возобновлять карьеру я не планирую, — угрюмо возразил Ник.

— Выжить в планы тоже не входит? — удивлённо приподнял брови аристократ.

Агитатор с интересом разглядывал странную компанию, гадая, чем мог привлечь внимание шишки Основания. Эта Башня, вполне вероятно, не настолько таинственна, как казалось. Всё как в играх спецслужб: простым копам не по чину лезть в дела о паранормальщине, зато наверху давно обо всём знают и строго блюдут тайну.

Ещё более странным было ощущение, которое вызывал верхний. Словно старое, давно забытое знакомство — будто они вместе прошли огонь и воду, а потом память вышибло ударом кувалды. Ник пытался перебрать в голове возможные тусовки, где могли мелькать подобные персонажи, но мозг, всё ещё отравленный алкоголем и болью, наотрез отказывался подкидывать варианты. Намекал, что такие очевидные вещи надо бы помнить и без копания в архивах.

— Входит. У меня остались дела. Моё выживание в ближайшей перспективе едва ли зависит от завкафедрой — скорее от вас, Лето. Вот и демонстрирую максимальную откровенность. — Улыбаться не получалось, поэтому Ник миролюбиво положил ладони на стол.

— Принимается, — усмехнулся Лето. — Мигель, вели принести Нику рома — от тебя ведь им несёт, верно? — вопросительный взгляд на Ника. — Мне пиво или квас, если здесь такое подают, и оставьте нас. Если увидишь на улице Сарру, передай, что тебе приказали стрелять на поражение при попытке войти.

Мигель поднялся и окликнул охранника у входа, передавая заказ. Возможно, ему было любопытно не меньше Ника, что здесь происходит. С лица завкафедрой не сходило хмурое выражение провинившегося ребёнка. У дверей он притормозил и обернулся:

— Лето, а если она действительно сунется, что мне делать? — с сомнением в голосе уточнил он.

— Едва ли до этого дойдёт. Не задерживайте. Будем считать, блеф не удался. — Лето отмахнулся рукой с зажатой в ней сигаретой.

«Опять эта Сарра», — запоздало подумал Ник, отметив, что мозг не успевает за реальностью.

Через несколько минут, дождавшись выпивки и уединения, Лето прикурил новую сигарету от окурка предыдущей и продолжил:

— Я ознакомился с отчётом допроса.

— Заметил. Вряд ли вы просто так выделили слово «Ад», — угрюмо отозвался Ник.

— Неудачное название для этого места, на мой взгляд. Лимб и чистилище тоже не предлагай, — Лето легкомысленно махнул рукой, словно отгоняя плохие варианты.

— Бывали там? Есть название получше? — с любопытством уточнил Ник.

— Ты ведь стипендиат, Ник? Вытаскивал золотой билет из Нижнего, но до сих пор здесь. — Лето бросил короткий взгляд на стол. — Ты ром-то наливай, при всей моей очевидной симпатии не рассчитывай, что буду тебе прислуживать.

Ник открутил крышку и присосался к бутылке. Выпивка, курение, разговоры — словом, «всё», что заставляло мышцы лица двигаться, отзывалось болью. Алкоголь выигрывал за счёт эффекта анестезии.

— Спасибо. Билет оказался позолоченным и быстро облез. Как это связано с тем проклятым местом?

— Никак, разумеется, — задумчиво кивнул своим мыслям верхний. — Мы знаем его как Город.

До агитатора не сразу дошло, что ему впервые за долгое время ответили на вопрос, а не задали очередной. Похоже, этот допрос будет отличаться не только предложенной выпивкой и тактикой «хорошего копа».

— Знаете ли, моё название лучше отражает содержание.

— А наше — форму! — Лето наставил указательный палец агитатору между глаз. — Вряд ли ты успел заметить, но центральная часть почти полностью повторяет географию нашего полиса. Если заскучаешь, можешь поискать свой дом или место, куда бегал на первые свидания,

— при абсолютно спокойном лице глаза верхнего лучились лёгким злорадным весельем.

— Вряд ли там придётся скучать. Наверное, только воздух не пытался нас там убить.

— Пытался, просто у вас не нашлось приборов для замера состава, — успокоил его верхний.

Ник пристально всматривался в аристократа. Вероятно, тот был шпионом или дипломатом, но в его голосе не чувствовалось типичного для таких шишек надменного превосходства.

— Итак, это место существует. Вы мне верите, барон?

— Почему решил, что я барон? — приподнял бровь Лето.

— Для человека без титула вы слишком самоуверенны, для более высоких чинов — слишком спокойно пьёте местное пойло и курите здешнюю дрянь. — Ник вытянул сигарету из оставленной на столе пачки Лето и прикурил от лежащей рядом зажигалки. — Вы мне верите, — повторил он. — Что дальше?

— Понимаешь ли, товарищ Прометей, — Лето так буднично назвал его именем, тянущим на смертный приговор, что Ник даже не сразу осознал угрозу, — среди всей той правды, что ты выдал на предварительной беседе, мне не хватило щепотки истины. — Он показал почти сведёнными вместе большим и указательным пальцами левой руки крошечный размер искомого.

Ник молчал неприлично долго — в затуманенном разуме мысли ворочались слишком медленно. Наконец он заговорил:

— Как вы заметили, барон, когда-то я любил открывать людям истину. Думаю, и для вас немного осталось.

— Уверен в этом, — подбодрил его улыбкой верхний. — Хочу услышать всё, что тебе известно о некой Шейн. В свободной форме и не стесняйся деталей. Поверь, значение этого рассказа для твоей дальнейшей судьбы сложно переоценить.

Он вальяжно откинулся на стуле, демонстрируя готовность слушать. Однако Ник не спешил: решил, что самое время вспомнить наказ друга, хоть и осознавал — это скорее шутливая попытка выиграть пару секунд, чем реальный шанс обмануть странного верхнего.

— Я эту шлюху не знаю, — Ник болезненно скривился, и не только по причине физической боли.

— Браво! Жаль, что понимание пришло несколько запоздало, не так ли? — Лето театрально приподнял бровь.

— И не узнаю. Скорее всего, она погибла в ту ночь, — голос Ника стал бесцветен; он снова проваливался в пережитый кошмар.

Лето театрально выдохнул.

— Шанс на узнавание тебе может представиться, Ник. Суть интриги заключена в том, захочешь ли ты им воспользоваться, — задумчиво произнес барон, закурил следующую сигарету, всем видом демонстрируя, что пикировка закончена и он ждёт рассказа.

Для Ника эти слова шоком не стали, в глубине души тот был уверен, что Шейн выжила. По неочевидной причине он был убежден, что непременно бы почувствовал её гибель, находясь даже на другом конце земного шара. Он сразу откинул мысль о болезненной попытке сыграть удивление на неподходящей в текущий момент для лицевой гимнастики физиономии. Однако агитатор был не намерен упускать возможность вызнать хоть пару слов по самой важной, в настоящее время, для него цели.

— Она жива, вы её видели? — Ник был готов вцепиться в собеседника, если тот проигнорирует вопрос.

Лето, видимо, считал, что сказал достаточно, и не стремился прямо отвечать, однако, пристально рассмотрев что-то во взгляде Ника, уступил:

— Да, та химера, которую ты знал под именем Шейн, жива и успешно закончила задание, одним из предметов которого был ты. — Не давая ему опомниться, Лето надавил: — Рассказывай! Довольно с меня вопросов, не заставляй напоминать о твоём положении.

Ник понял, что вплотную подобрался к концу терпения барона, но решил рискнуть ещё раз:

— Кто такая Сарра?

На этот раз Лето лишь отмахнулся:

— Моя головная боль. Начинай, или я накормлю твоей печенью орла, Прометей.

Ник сдался и начал свой рассказ.

Глава 2

Безликая квартира, снятая ею анонимно на долгий срок, встретила Шейн затхлой пустотой. Закрыв за собой дверь, она медленно сползла на пол. Сидела так, пока солнце за плотными шторами не начало просвечивать слишком ярко, пуская блики прямо в глаза. Тогда поднялась, прошла на кухню и достала из холодильника банку пива. Выпила залпом, не ощущая ни холода, ни вкуса.

Спящий об этом не упоминал!

Ей нестерпимо хотелось к нему. Обратно в те сны, где она проживала чужие истории безболезненно — пусть там тоже находилось место предательству и изменам. Именно из-за этого опыта она без особых колебаний и пошла на задание. Её к этому готовили. Но во снах она всегда знала: скоро начнется новый эпизод, вероятно, за другого героя, и горечь драм останется лишь щемящим воспоминанием. Множество горизонтов, событий, калейдоскоп судеб и чувств. Сейчас сбежать и сменить кадр не получалось. Впервые последствия собственных поступков били так больно.

Пока Шейн жила с Ником, она не замечала, как менялась сама. В начале операции это была просто работа, хотя первые звоночки прозвучали почти сразу: ей слишком нравилось быть рядом. Слишком большую радость приносили его победы, слишком сильно ранили периоды его отстранённости. Косяк за косяком для профессионала, но она упорно закрывала на это глаза. Прибираясь в его квартире и создавая там подобие уюта, она впервые почти почувствовала себя дома. Полное погружение.

Когда эйфория первых этапов должна была пойти на спад, химера приготовилась разыгрывать глубокие чувства, чтобы вызвать в объекте зеркальную привязанность. И с несказанным ужасом осознала: играть не придётся. Утешало лишь то, что Ник и без хитрых манипуляций отвечал полной взаимностью — в своей, порой специфической манере, превращая их отношения в нездоровую карусель. Шейн удерживала видимость позиции «сверху» ценой неимоверных усилий, подогреваемых профессиональной гордостью. Тут-то и пригодились манипулятивные таланты, взращённые Спящим. Пришлось смириться: она привязалась. Худшее, что могло произойти с её сестрой. С содроганием и огромным напряжением она ждала финала этой пьесы.

Шейн была уверена, что многие из её коллег-химер — плодов биоинженеров ветви «Существования» Развития Вида — тоже испытывают чувства к своим целям. Вот только встроенные клетки-убийцы всегда оставляли им простой выбор: исполнение приказа или мучительная смерть от сверхагрессивной формы рака, способного прикончить носителя за считанные часы.

Но у самой Шейн маркеры управляющих клеток, запускающих самоуничтожение, давно удалили люди её нынешнего босса — Фантома, главы террористической группировки «Свобода». Именно его бойцы, согласно планам Спящего, обеспечивали её отход и зачистку следов после провальной операции в недрах Основания. Тогда её почти раскрыли, но отпустил один молодой барон института Дисциплины по имени Лето. С ним тоже вышла интересная и неожиданная интрижка. Впрочем, при всей уверенности в себе, химера не верила, что именно эта связь заставила Лето промолчать и не сдать раскрытого агента внедрения Вида своим менее любвеобильным коллегам.

Выходит, у неё был реальный шанс ослушаться приказа, и, скорее всего, этот каприз сошёл бы ей с рук. Спящий и Фантом были связаны неизвестным для неё образом — природу их союза она безуспешно пыталась разгадать вот уже почти год. Именно эта связь и привела её в группу Вейстега, дочернюю организацию «Свободы». Едва ли Фантом рискнул бы жёстко

наказывать агента Спящего, временно оказывающего ему поддержку, даже за прямое непослушание.

Так почему же она исполнила последнюю, самую драматическую часть приказа? Основная задача — добиться резкого роста влияния Ника в РевКоме — возражений у неё не вызывала. Хотя зачем лидеру «Свободы» понадобился настолько рьяный и неподкупный леворадикальный идеолог, как Ник, в самой верхушке движения социалистов, оставалось загадкой. А вот развязка с принесением в жертву несчастных идиотов из Чистки и риском для жизни самого объекта ей категорически не нравилась. Тамас — правая рука Фантома и её непосредственный куратор, демонстрируя место будущего ритуала и свёрток для того чудовища в тёмном Городе, клялся своей жизнью, что сам Ник не пострадает. В случае с Шейн это была не просто фигура речи.

Сейчас причина, по которой она на это пошла, казалась жалкой. Ей просто хотелось доказать себе, что она сильнее собственной природы. Что способна переломить эту тупую химию и вырваться из оков их отношений. Фигня, одним словом. Много красивой лирики, а по факту же она просто кинула Ника. И теперь паршиво себя чувствовала. Вполне заслуженно.

Химера пообещала себе больше не допускать подобных ошибок. Играть в чужие игры она продолжит — это часть её естества, и дискомфорта оно не вызывает. Но впредь она будет ставить свои интересы превыше всего и перестанет обманывать саму себя. Возможно, в будущем найдётся способ искупить вину перед Ником, она на это надеялась. Что-то подсказывало: их история ещё не закончена, и началась она далеко не год назад, а раньше, много-много раньше. Сейчас же лучше не попадаться ему на глаза. Слишком уж он темпераментный, чтобы спокойно выслушать её доводы и принять искренние извинения.

Дома её никто не ждал. Не нужно было убираться, и никто не выносил мозг, требуя в очередной раз оценить его гиперэмоциональное воззвание, нарочно написанное в стиле примитивного потока сознания. Как ни странно, толпе этот стиль заходил. «Что-то на постмодернистском», — заключала про себя Шейн, смирившись с тем, что совершенно не умеет зажигать сердца масс. Она вполне довольствовалась своей точечной специализацией: её навыков с головой хватило, чтобы вытащить Ника из затяжной апатии, а затем закрепить его позиции через личные переговоры и закрытые встречи.

Хватит! Она снова и снова прокручивала в голове прошлое. Ник никак не желал её отпускать, а впереди ещё масса дел. Тамас намекал, что после этой операции её ждёт награда — продвижение в её главной личной кампании по поиску Спящего.

Химера улеглась на кровать, пытаясь уснуть и отключить мысли, но перед глазами раз за разом вставал тот кошмар, виновницей которого она стала. Бурная фантазия рисовала пугающе реалистичные картины, достраивая их по крикам и хаотичным выстрелам с крыши, где остался Ник. Наверное, он обиделся и злился — она бы на его месте точно злилась. Усилия воли не помогали отвлечься, и тогда она пошла от обратного: решила максимально усилить эту боль, чтобы та быстрее перегорела. Шейн начала представлять их жизнь так, будто всё было по-настоящем, без предательства и лжи. Вышло мило, но слишком уж отдавало ванилью. Она была убеждена: при любом раскладе они нашли бы способ превратить жизни друг друга в увлекательное адское пекло. Не приспособлены они для тихого счастья — никак не складывался у неё этот пазл. По сути, её нынешний провал был лишь частным случаем среди множества возможных. И, вполне вероятно, далеко не последний.

Шейн не покидала свою берлогу до тех пор, пока Пиро, её напарник по группе Вейстега и маг-пиромант, насильно не вытащил её на прогулку. Когда он пришёл, химера решила окончательно похоронить Шейн вместе с её сомнениями и призраками несбывшегося будущего. Ей надоело менять лица и имена. Пора вернуться к истокам — к основной личности, дарованной Спящим. Когда-то её звали Белла. Она вернула своё имя.

***

Белла подтвердила полученный от Тамаса запрос на личную встречу и позволила Пиро вытащить себя из квартиры.

Расположившись на лавочках у входа в парк развлечений «Орион», они с напарником ждали босса их босса.

Белла чувствовала: её работа в группе Вейстега подходит к логическому концу. Было немного жаль, но внутри зрела потребность повысить ставки. Возвращаться к обычным обязанностям оперативника она бы восприняла как шаг назад. Полевые агенты обеспечивали разведку для боевых отрядов «Свободы» — чтобы тем оставалось лишь прибыть на место и сделать своё рискованное, но понятное дело — нажать на курок. Всё остальное: сбор данных, поиск лазеек и вербовка нужных людей перед диверсией ложилось на плечи группы Вейстега. Сложная работа, идеально подходившая подготовке Беллы.

Особенно её забавляла необходимость совмещать прямые обязанности диверсанта с ролью музы и пиар-менеджера одного шального агитатора РевКома. Она напоминала себе героинь пародийных фильмов для взрослых: ночью — шпионка, днём — верная боевая подруга идеолога народных масс.

Этот акт закончен: один проект закрыт по очевидным причинам, второй — не приблизит её к личным целям. Заниматься терроризмом ради денег, идей или просто для души её не привлекало. Этап адаптации остался позади. Пока было неясно только одно: уловил ли Фантом, что правила игры изменились.

Они виделись лишь однажды, и то знакомство вышло крайне странным. Формальный статус Беллы не предполагал личных аудиенций с полумистическим лидером «Свободы», но общая связь со Спящим казалась ей веским поводом пренебречь субординацией и внутренней иерархией. На взгляд самой Беллы, разумеется. Что об этом думал Фантом, она не знала.

Их единственная встреча произошла, когда Белла отходила от наркоза. Её накачали препаратами для операции над принадлежащим Виду телом химеры — нужно было «снять её с поводка» после ухода со службы идеологии, что в организации расценивали как воровство и дезертирство. Скорее всего, Фантом вообще не планировал показываться ей на глаза и заводить беседы, но недооценил, как быстро организм химеры расправляется с токсинами.

Тогда ей снился Спящий. Они гуляли по странному, расколотому напополам миру, где живая цветущая земля перемежалась с мёртвыми чёрными провалами — получалась своеобразная игра в «пол — это лава». После побега Белла рассчитывала встретиться с ним вживую, но Спящий предупредил, что придётся подождать неопределённый срок, и попросил пока остаться в компании его друзей — тех самых, что провели операцию по её освобождению. Встреча во сне оказалась неприятно разочаровывающей. Знай Белла, что она станет последней, точно выцарапала бы этому ублюдку глаза и заставила жрать землю.

Она вынырнула из наркотического небытия намного раньше срока и увидела Спящего, сидящего на пластиковом стуле напротив. Удивление, радость и обида за дурацкую шутку смешались в ещё затуманенном сознании. Он сидел неподвижно, глядя на неё с непонятной грустью и совершенно очевидной, приятной ей влюблённостью. Лицо скрывала маска респиратора, на голову был накинут капюшон худи, но она без труда узнала его по ощущениям и энергетическому фону. Многие личности, за которых она проживала жизни во снах, обладали магическим даром, поэтому Белла хорошо понимала механику процессов и уверенно пользовалась скромными силами своего тела, слегка модифицированного зачаточной телепатией.

Её открытые глаза смутили незнакомца. Он резко вскочил, словно его застукали за подглядыванием за обнажённой женщиной. Формально так оно и было, но история их отношений подразумевала совсем иную реакцию на её наготу. Разговора не вышло. Мужчина растерянно пробормотал, как они рады её видеть, пообещал обеспечить всем необходимым. В этот миг она поняла, что жестоко обозналась. Это был не Спящий! Хотя его энергетический фон оказался пугающе похожим, почти идентичным. Увидев, как счастье в глазах Беллы мгновенно смени-

лось ледяным разочарованием, Фантом — а позже выяснилось, что это был именно он, выскочил из палаты. Когда контроль над телом и эмоциями вернулся, Белла осознала, как неловко и грубо всё вышло, но первое впечатление было уже не исправить.

Позже он ни разу не ответил на запросы о личной встрече, которые она передавала через Тамаса. Это дико бесило, но Белла неукоснительно выполняла указание Спящего, пытаясь понять, за что наказана такой долгой и необъяснимой разлукой. А потом работа с Ником и группой Вейстега затянула её с головой. Теперь же неприятное чувство брошенности и накрывающая следом пустота вернулись с новой силой.

Они с Пиро смотрели на колесо обозрения — самое высокое в столице Триумвирата. Разговор не клеился. Чувствуя её настрой, Пиро не решался откровенно подкатывать, но то и дело пытался её расшевелить:

— Неплохо тогда вышло с колесом, да? — начал он.

Белла подозрительно скосила на него глаза.

Они уже бывали в этом парке, одной ночью, почти в самом начале совместной работы. Тогда это место показалось ей воплощением болезненной свободы: когда ты волен делать что угодно, но ничто вокруг не имеет настоящего смысла.

Как и положено визитной карточке столицы, парк был огромен и прекрасен: сотни тропинок, искусственная, но доведённая до абсолютной естественности природа, разбитая на десятки климатических зон и биомов. Осенние аллеи, продуваемые ледяными ветрами горные ущелья, пляжи, пруды и речки — образчики художественно оформленной ностальгии по загубленной планете. Единственный способ охватить всё это великолепие разом это забраться на чёртово колесо обозрения. Что и проделал в стельку пьяный Пиро, едва не устроив себе скоропостижный финал.

— Я тебя тогда еле удержала, — проворчала химера, взглядом оценив высоту, с которой едва не спикировал этот недоделанный гиперактивный ловелас.

— Потому и неплохо, — бодро отозвался он, не испытывая ни капли раскаяния за пережитое ею приключение.

— Повторять не будем, — отрезала Белла, прикуривая сигарету от привычно подставленного пальца напарника.

— Смотри, Тамас идёт. Думаю, меня он сейчас прогонит, а тебе снова поручит какую-нибудь дрянь, — недовольно и с лёгким сочувствием произнёс маг.

К ним действительно приближался куратор. Именно его приказы загнали Беллу в нынешнюю апатию и разбитость. Но сейчас появление Тамаса сработало как лучшее лекарство: ей остро захотелось крови. Пусть он был всего лишь посредником между ней и Фантомом, куратор отлично подходил на роль жертвы, в которую можно вцепиться когтями.

— Так и будет, — согласилась Белла.

На этот раз она поведёт себя иначе. Она ждёт свои тридцать сребреников — и горе им, если монеты окажутся недостаточно блестящими.

— Пошли ты его и Фантома с его «Свободой» к чертям собачьим. Погнали к «Шипам» — у них всегда весело, — предложил Пиро.

— Тебя вроде из «Шипов» за шкирку выкинули, — скептически напомнила она.

— Давно это было, всё уже забылось. Давай. Будем ритуалы всякие проводить, людей в жертву приносить.

Белла резко отвернулась. По телу, отголоском тёмного Города, прокатилась ледяная волна.

— Спасибо за попытку, Пир, но мимо. Не знай я тебя, то сочла бы за издевательство.

Пиро начал неимоверно её раздражать, совершенно незаслуженно. Не хотелось, чтобы он попал под горячую руку.

Тамас, выряженный как церковник в чёрную с золотом полурясу, остановился рядом с ними. Лицевые аугментированные пластины, тянувшиеся неровным орнаментом вдоль его скул, носили чисто декоративный характер и ослепительно блестели на солнце. Белла на миг задумалась, какими бы эпитетами Ник припечатал внешний вид этого «верхнего». С большей частью его оценки она была бы согласна, но с другой стороны, а какими ещё быть этим мажорам? Им просто необходим опознавательный знак, чтобы отличать, когда придёт время сажать их на вилы. Кажется, она слишком долго общалась с агитатором...

Сама Белла к элитам не принадлежала, но именно на внедрение в их круги её натаскивали в центре подготовки, поэтому в подобной среде она чувствовала себя абсолютно комфортно.

— Пиро, свали отсюда, пожалуйста.

Тамас приветственно вскинул левую руку и тут же указал магу на выход из парка. Этого типа можно было безошибочно вычислить по командным интонациям и властным жестам.

— Да-да, спасибо мне, что посторожил и не дал её украсть, — Пиро поднялся со скамьи. — Белла, моё предложение было шуткой лишь отчасти, имей в виду.

— Я не выйду за тебя замуж, Пиро, ты ещё недостаточно накосячил, — хищно улыбнулась химера.

Тот театрально изобразил глубокое разочарование, козырнул и направился к парковке.

— Предлагал сбежать? — спросил Тамас, дождавшись, когда напарник отойдёт достаточно далеко и не сможет греть уши.

— Нет, напиться в приятной компании. Антистресс-терапия. — Смотреть в глаза куратору не хотелось. Поэтому Белла сосредоточенно занялась изучением собственной ладони.

— Любопытно. Я собирался предложить почти то же самое, — задумчиво произнёс церковник.

Что-то изменилось: обычно Тамас держался куда более отстранённо.

— Или приказать?

— Только если откажешься, — миролюбиво отозвался он.

— Люблю свободу, прямо как Фантом. Думаю, пора начать игнорировать приказы. Последний мне не зашёл. Считаю, что долг погашен. — Химера впилась в Тамаса яростным взглядом. Эта игра её окончательно достала.

— Не припомню, чтобы мы выставляли тебе счёт и требовали возврата.

Он знал. Всегда знал о её особом положении у Фантома, и именно поэтому демонстративно вёл себя так, словно никакого особого статуса у неё нет.

Белла не сочла нужным отвечать. Спустя полминуты Тамас продолжил:

— Мы оба знаем, почему ты работаешь на нас и по следам какой истории идёшь. Сказать, что развязка близко, не берусь — скорее наоборот. Но до цели ты доберёшься. Фантом хочет с тобой поговорить. Дальнейшие распоряжения он будет передавать лично.

— Сам царь? Забавно. — Новость заметно её оживила. — Я прошла испытательный срок? Набрала достаточно опыта? Немного переживаю, дотягивает ли моё мастерство до планки нашего славного лидера. Не откажешь в просьбе провести предварительную проверку, чтобы я меньше стеснялась? — Белла игриво откинулась на спинку скамейки, закинув ногу на ногу.

— К чему этот спектакль? Не в первый раз по твоей вине гибнут люди. И Фэн не обязан был работать с тобой напрямую. Я в качестве куратора тебя чем-то не устраиваю?

Видимо, он понял, что потерял контроль над разговором, но вернуть прежний тон было уже поздно.

— И на какой вопрос мне отвечать? Я думала, ты менее эмоционален, Там. Сейчас всё по-другому: и смерти, и дистанция Фантома, и ты в роли посредника. То, что раньше было нормой, теперь неприемлемо, — раздражённо отрезала она.

— Других условий у меня для тебя нет. Разве что твоё предложение о «проверке» всё ещё в силе.

Интересно: железного человека разъела ржавчина или это попытка насолить собственному боссу? Не помешает выяснить — а заодно и подразнить Фантома перед долгожданной встречей.

— Я встречусь с Фэном. Нельзя упускать шанс лично продемонстрировать уровень моего... довольства. — Она замолчала, пристально вглядываясь в блики на лице «церковника». Похоже, ответ нашёлся, потому что губы Беллы тронула лукавая усмешка:

— Если об этой проверке узнает Фантом, тогда в силе.

Глава 3

Фигура ангелоподобного существа с распростёртыми крыльями нависала над городом, объятым огнём. Марево от пожара окутывало небеса, поднимаясь над крышами зданий и погружая мир в тлеющие угли. Огонь почти добрался до крыши небоскрёба. Ангел стояла спиной — её лика было не разглядеть. Патриарху этого и не требовалось: он всегда его знал.

Себастьян Ильман, Патриарх Церкви Превосходства, вывел эту картину на голопроекторы, встроенные в потолок внутреннего сада его личного санктума. Свет пламени подчёркивал безумство, поселившееся в глазах лидера идеологии. Он был стариком, которому нелегко давался бушующий в мире шторм. Лицо, ещё довольно молодое для его семидесяти лет, было искажено частыми спазмами телесной боли; белоснежные волосы и длинная борода слиплись от обильного пота и превратились в серые жирные сосульки. Себастьян знал, что Каррен помнила его иным и шла за истинным образом, всё реже проглядывающим сквозь маску нынешнего посмешища. Она упорно продолжала смотреть на него с любовью и преданностью.

Пошатываясь, патриарх босиком добрался по траве до фонтанчика. Зачерпнул воду в ладонь, сполоснул лицо, вторую горсть опрокинул в пересохший рот, следом и вовсе присосался к струйке.

— Ты обещал не подключаться к сети, — Каррен придирчиво осматривала санктум.

Собой он представлял помещение в форме астроида (плоской геометрической кривой, похожей на четырёхконечную звезду с вогнутыми внутрь сторонами) площадью ровно в сорок квадратных метров. Сердце официальной резиденции лидера церкви было кричаще аскетично. Центр звезды занимал небольшой фонтан, сооружённый из штайнцойга — прочной каменной керамики, и украшенный символами веры технологических прогрессистов. Унаследованный от предшественников крест трансформировался в звезду с четырьмя лучами. Каждый луч заканчивался схематическим изображением одного из компонентов веры Церкви Превосходства: шестерёнки в основании представляли механику, знаки «01» слева — цифру, молнии справа — соответственно, энергию; верхняя часть оставалась свободной, она отвечала за высшую форму трансцендентной чистоты. Вместе они символизировали бренность человеческой плоти и стремление к высшей форме существования.

В правом углу санктума расположился алтарь в виде простого металлического куба с зеркальной поверхностью, левый угол занимало личное кресло виртуальной реальности — оно же при отсоединении оптоволоконных кабелей превращалось в средство индивидуальной мобильности патриарха. Нижний луч соединял пространство санктума с основными помещениями резиденции. Верхний традиционно оставался девственно чист.

Каррен отпустила даже личных телохранителей: при них было недопустимо выговаривать патриарху за его чрезмерную увлечённость.

Чизель, руководитель информационной безопасности гвардии, клялась, что полностью контролирует внутреннюю сеть и Конклав не сможет активировать ритуал низложения, цель которого — пленение патриарха и последующее сожжение по процедуре сакрификации. Перезапись стандартных охранных протоколов уже была безоговорочным актом мятежа.

— Намерение моё в тот миг было абсолютно искренне. Не суди строго, мой ангел, — его голос был хриплым и уставшим.

— Твой, как у все ангелы, вот только защищать тебя сложнее с каждым часом. — Каррен старалась не выдать недовольства голосом, благо голосовые модификаторы это позволяли. — Не могу взять в толк, отчего у Конклава до сих пор не получается сместить тебя.

— Вы не единственные мои хранители. Ты ревнуешь? — Себастьян горько усмехнулся.

— Не доверяю. Эвакуация и развёртывание готовы, значительная часть наших ресурсов задействована. Поддержание должного уровня готовности при высочайшем уровне конспирации дорого нам обходится: мы теряем людей.

— Мятежников. Участников маленького культа имени меня. Братья и сёстры, что преследуют нас, убеждены в благости своих намерений. — Патриарх опустился, опираясь на каменную керамику ограды. Калейдоскоп видений, дарованных ему Евой, неуверенно отступал, и взор собирался в мозаику реальной жизни.

— Кардинал Деконструкции ненадёжен. Не тратьте время на аудиенции с ней. Мы должны отступить сейчас, иначе целесообразность всей кампании становится сомнительной.

Патриарх долго смотрел на ангела в «небе», затем поймал лик Каррен в фокус. Первая ассоциация была «идеальная подделка»: никто, кроме Себастьяна, не мог их сравнить. Совершенство и превосходство Церкви было воплощено во главе «ангелов» — его гвардии, надсмотрщиков и палачей, перешедших на другую сторону благодаря талантам и бескомпромиссной вере его ученицы.

— Ты идеальна, знаешь? — осипшим голосом прохрипел он.

— Ваше святейшество? — Её лицо осталось нетронутым мимикой, керамической маской. — Рекомендую вам увеличить скорость адаптации к этому, так называемому, реальному миру.

Себастьяна утомили бесконечные, пусть и благие, указания его воспитанницы. Он отмахнулся от её слов и перевёл тему:

— Давно разговаривала с Джимми? Как он?

Патриарх регулярно возвращался к личности своего птенца: тот всё ещё представлялся ему несмышлёным юношей, на которого Себастьян возлагал бесчисленные надежды и которого собственной гордыней обратил во врага. События последних лет всё настойчивее выветривались из его страдающего расщеплением разума, однако это имя он помнил всегда.

— Магистр Джеймс Крейд всё ещё возглавляет орден Деконструкции. Также он, насколько мне известно, оказывает значительное давление на своего кардинала, дабы принудить её отозвать голос в вопросе вашей сакрификации.

— Выходит, всё ещё дуется, да? Кэрри, я ведь чувствую вашу боль. Казалось, вы созданы друг для друга, и вот как получилось. Мои лучшие ученики. Вам предстоит сыграть беспредельно важную роль. Мне так жаль, что я вынужден был принести ваши судьбы в жертву. Действительно очень жаль. — Слёзы начали скапливаться у патриарха в уголках пожелтевших — из-за болезни печени, которую тот упорно отказывался лечить, — глаз.

— Оставьте, патриарх, не берите на себя чужие грехи. Ваших вполне достаточно для полной гаммы драматичных чувств. Джим всегда был радикален в вопросах ставок, я же осознанно приняла решение быть с вами до конца. Который вот-вот настанет. Приношу мои извинения за необоснованный оптимизм. — Она покорно склонила голову в полупоклоне.

— Если меня попробует ликвидировать Джим, убей его безболезненно, прошу тебя, — умоляющие глаза заволокло безграничной душевной болью.

— Конечно, ваше святейшество, — на этот раз улыбка добралась до идеально алых губ ангела.

***

Курт верующим не был. К разного рода эзотерике и мистике относился пренебрежительно, считая это неспособностью воспринимать жизнь объективно. Однако со временем он принял созревшую в нём чёрную зависть к тем, кто имел возможность сбежать от реальности в значительно более привлекательные со многих сторон иллюзии. Предпосылок для отупляющей разум, его основной рабочий инструмент, веры он не обнаружил и остановил выбор личной стратегии эскапизма на алкоголе.

Курт признавал, что путь этот носил сомнительный характер по его же собственным критериям. Однако он получился крайне естественным для образа жизни и стиля бывшего детектива муниципальной полиции, подавшегося на вольные хлеба из-за отвратительного и не устраивавшего сыщика соотношения оклада и риска.

Три года назад он провалил контракт с Клубом Друзей. Требовалось расследовать убийство человека в холодном отстойнике лагеря нелегалов. Корпоративная и муниципальная полиция даже не пытались: у этих неоэскимосов нет ни ID, ни социальной страховки. Тогда он и выяснил, что Ад всё же существовал вне зависимости от его веры. Курт прогулялся именно по нему и встреча ему не понравилась. Вынужденное осознание наличия чего-то за пределами обыденной реальности внесло свою лепту в усиление его алкогольной зависимости.

Он довольно быстро определил основного подозреваемого в убийстве шамана хладостойких, не от хорошей жизни, маргиналов. Им оказался некий Патрик Мионель по кличке Шимо, отпрыск графского рода Основания, не принявший положенного ему наследного титула. Видимо, жизнь потрошителя эскимосов привлекала его в большей мере, чем скучная проторённая дорожка виконта одной из главенствующих идеологий. Понимаемо, но не от всей души.

Когда же Курт в процессе преследования обнаружил себя в некоем странном пространстве, которое упустило момент согласования и заменило собой его сон, детектив начал понимать, что скромная зарплата муниципального сотрудника была наименьшей из проблем. Более значимые приняли облик стаи здоровенных псин. Они с чрезмерным, на взгляд Курта, энтузиазмом стали загонять детектива, устроив «охоту на зайца», а их игривые укусы неукоснительно проявлялись в реальности болью и кровотечением. Каждый «сон» приближал драматическую развязку с методичностью неторопливого автоматического шпалоукладчика. Не помогали ни экстрасенсы, ни ночёвки в святынях разнообразных культов и сект, ни соизволившие польститься на его скромные сбережения и попытки заложить душу адепты эзотерических наук, которых Курту удалось разыскать благодаря резко возросшей мотивации.

Наилучший совет дал его новый друг по прозвищу Пиро: «Если ты завещаешь мне свой клёвый револьвер, я могу избавить тебя от скучного суицида. План такой: ты закинешься смертельной для сердца дозой таблеток для усиления потенции, а я устрою нам двоим марафон с горячими еретичками». Курт отказался. Ему не хотелось умереть, зная, что в очередной раз разочарует женщину.

Очередной сеанс встречи с псинами он пытался отсрочить как мог и совершенно ошалел от недели непрерывного стресса без сна, а стимуляторы уже грозили убить его едва ли не вернее, чем преданные блохастые фанаты. Он рухнул в их объятия, находясь в “поле”, на пути к Пиро, чтобы принять его предложение.

Звери решили, что расстались с ним достаточно надолго, и больше отпускать были не намерены. У него получилось немного сократить дистанцию и запрыгнуть в тесную расщелину горы, но звери вцепились в ноги и наполовину вытащили добычу наружу. Они пожирали его живьём, борясь между собой и настойчиво тянув наружу, как репку. Курт никак не мог отключиться, несмотря на адскую боль. Потом, спустя вечность, а то и две страданий, он сдался, отпустил руки, и его выволокли, расширив себе меню. Единственное, о чём у него остались силы молить тёмные небеса, это чтобы они перегрызли ему шею до того, как обглодают всё мясо с костей. Он услышал визг и жалобный скулёж тварей. Боль не ушла, однако твари разбежались без видимых детективом причин. Единственное, что он успел заметить в тот миг, — пыльный ботинок, пинающий по заднице одну из самых невнимательных особей. Обладателя конечности, используемой для лучшего в жизни Курта пинка, он едва разглядел: тот с любопытством склонился над ним и с удивлением произнёс: «Везучий!»

Он пережил последствия, провалявшись несколько дней после восстановления функций ног. После чего скрылся, ушёл на дно. Знал, что, несмотря на спасение, эта история не закон-

чится для него хорошо: от неё несло тайнами верхних, а у этих господ наблюдалась стойкая аллергия на чудом выживших свидетелей.

И вот спустя три года, когда единственной действующей нитью, ведущей к нему, осталась лишь тайная работа на его спасителя, шишки из верхнего города о нём вспомнили. Их агенты загнали Курта по всем правилам больших данных и денег. Ему удалось бежать и прятаться около девяти часов с того момента, как плохое предчувствие переросло в хреновый и чрезмерно увлекательный день. Немногословные парни из Развития «Вида» нашли его в одном из ранее не посещаемых им притонов; на беседу время не тратили, видимо, исчерпали на сегодня лимит слов и сразу пальнули в него дротиком из шприцемета.

Дверь багажника открылась. В глаза ударил яркий свет серого неба и абсолютно отвратительный едкий запах какой-то химии, созданной убивать всё живое. Его, абсолютно невежливо и не заботясь о комфорте и целостности, вытащили из временного убежища, в которое сами же поместили ранее. Поволокли к человеку, тёмным пятном возвышавшемуся на фоне безграничных полей отстойников за трущобами. Одна из достопримечательностей границ Нижнего, куда свозят отходы со всего города. Прекрасное место, чтобы потерять одного незадачливого детектива.

Паства «Вида» частенько перебарщивала в стремлении продемонстрировать своё превосходство и отличие от простых смертных, искажая тела, саму природу человеческого, воплощая мечты о недоступном и сказочном. Девочки стремились отрастить себе милые ушки, хвостики и рожки, а парни — добавить брутальности, которую невозможно заработать в качалке: бронированную чешую-кольчугу вместо кожи, шипы на руках в роли неснимаемого кастета. Меняли конфигурацию глазных яблок, делая их менее уязвимыми и добавляя ночное зрение. А также, чтобы их барышни меньше поглядывали на сторону, значительно удлиняли раздвоенные на конце языки и не только.

Высшие же чины находили эстетику в мрачных и тёмных темах готических произведений. Его собеседник относился именно к таким. Курт припомнил, что видел его на записях официальных церемоний идеологии, кажется, это был один из наследников Маршала «Вида». Высоченный, не менее двух метров, атлетичный до уровня античных скульптур, хищная птица с длинными чёрными перьями-волосами и взглядом маньяка, получающего удовольствие от страданий жертвы. «Милый парень, — подумал Курт. Хорошо, что я не баба, а то бы прям потёк».

Курт хорошо запомнил глаза тех тварей, которые чуть не лишили его ног. Нечто первобытно-дикое, безжалостное было в них. Чёрные глаза, мельком осмотревшие детектива, напоминали Курту о его кошмарах, о монстрах, идущих по его следу.

— Говорят, вы чрезвычайно везучий человек, — с сомнением проговорил его собеседник, с большим вниманием осматривая утилизационные поля, чем Курта.

— Не сказал бы, мессир. — С шишками из Развития «Вида» лучше не ошибаться с выбором обращения.

— Один выживший из семи детективов — неплохой показатель, — меланхолично продолжил ученик маршала.

— По-настоящему везучий не влез бы в эту историю, — Курт нервно переступил с ноги на ногу.

Два гражданских автомобиля сопровождения и их экипажи терпеливо ждали в отдалении от полей, подвергшихся обработке ускоряющей разложение агрессивной химии: тут крайне опасно дышать.

— А возможно, и соскочил бы удачнее вас, Курт. Чем вы там отделались? Слегка пожеванными ногами? В наших клиниках вы воспользовались услугами реконструкции, но впоследствии не обратились за пластической хирургией. Решили оставить шрамы в качестве сувенира? — Сир лениво стряхнул с себя пылинку.

— Да, мессир, карьеру в балете пришлось скоропостижно прервать, — угрюмо, но осторожно заметил детектив.

— Уверен: первичную операцию проводили экстренно, без вашего согласия и подписи. Вторичные процедуры потребовали бы оформления, которого вы стремились избежать. Обращаться же в подпольную клинику значило облегчить работу парней, которые прибирают после шалостей их патронов.

Неловкий взгляд на поля: сейчас над землёй можно было разглядеть лёгкую дымку кислотных облаков, мерно стелившуюся вдоль невысоких мусорных холмов. Курту категорически не нравилось, куда идёт разговор. Он с тревогой ощущал приближение кульминации игры в кошки-мышки, которую затеял с ним этот верхний.

— Осторожность не помогла, — сказал детектив, замечая, что ядовитый туман начал собираться вокруг собеседников, опутывать их, сливаться с серыми тучами. — Меня нашли и привезли сюда.

— Пришлось постараться догнать вас, чтобы вручить шанс на выживание. Мне же нужно завербовать мотивированного и не аффилированного напрямую со мной агента.

— Благодарю. Мне кажется, вы, мессир, перестарались в своём благодушии, и защита мне требуется скорее от вас.

Сир резко отмахнулся от слов Курта, посмотрел тому в глаза и продолжил, отчётливо и зло выговаривая каждый слог:

— Звери, что грызли твои ноги, не забыли вкус, а ты не забыл взгляд: голодный и жадный. — Верхний обвёл рукой вокруг, указывая на тени, мелькающие в плотно подступившем тумане. — Они вновь явились за твоим мясом и душой, Курт! — рассмеялся верхний.

Курт моментально поверил в это предположение всеми фибрами: от теней действительно исходил знакомый до сильной боли аромат, который воспринимался совсем не обонянием.

— Это ты делаешь? Прекрати! Они нас сожрут.

Курт, впадавший в панику, сделал шаг назад и упёрся в огромное сухое дерево, которого здесь раньше не было. Подняв взгляд, он увидел, как оно уходит высоко в туман, из-под которого и доносилось тихое многоголосое рычание.

Сир заговорил громче, почти кричал и явно наслаждался представлением:

— О нет! К сожалению, не я. Мою кровь они знают даже лучше твоей. Мы сидим с тобой на одной ветке. А вокруг они — такие милые и преданные, не так ли? Хочется сбежать и спрятаться, детектив? Ты выживешь, лишь если присягнёшь мне! — Его голос тяжестью лёг на плечи многострадального сыщика.

— Не хочу. Чёрт, ни за какие деньги. Я не хочу!

Курт ощущал неожиданно ледяное дыхание тварей. Кости ног болезненно заныли, он не мог унять дрожь. Туман подошёл вплотную. Курт не видел собеседника; голос того долетал искажённым со всех сторон, однако оставался убийственно разборчивым.

— Бумагу, от которой разгорится костёр, поджигают со многих сторон. Ты станешь моей спичкой, Курт. Поверь, ты пожалеешь, если потухнешь раньше, чем я позволю.

Тени стали монстрами. Они шли по его следу с момента разлуки и наконец настигли. Странные последствия странного заказа, которые сейчас стремились порвать его на части под аккомпанемент голоса ученика маршала «Вида» Гедона Ашвера, более известного как «Сир».

— Каков твой ответ, детектив? — успокаивающе спросил голос Сира в паническом сознании детектива.

— Я сделаю! Я всё сделаю, как ты скажешь. Останови их! — кричал в ответ Курт; он молился, чтобы Сир услышал его в этом проклятом тумане.

Глава 4

Дослушав исповедь Ника, Лето закурил новую сигарету и долго молчал, видимо, анализируя и сам рассказ, и собеседника напротив. Бутылка рома угрюмо стояла рядом с пребывающим в прострации агитатором, усиленно пытавшимся вынырнуть из омута своих воспоминаний. Ник был далёк от образа совершенно невинного гражданского: он был активным участником и одним из лидеров террористической организации, с детства имел весьма близкие отношения с насилием и смертью. Но то, что его накрыло в этом тёмном Городе, было за пределами его понимания и не имело адекватных базовых реакций, которые со скрипом пытался переработать его мозг через глубокую рефлексию и переоценку произошедших ранее событий.

— Предполагал я, что всё довольно печально, — задумчиво сообщил Лето. — Ник, я сейчас выйду, а ты останешься. Если решишь застрелиться, не буду возражать: последнее пристанище чести, всё понимаю.

Это звучало шуткой, Ник был уверен, что это шутка. Лето не высказывал сочувствия, но казалось, что тот понимает его лучше, чем кто-либо, включая самого агитатора. Жаль, что этим знанием верхний делиться был не намерен, видимо, оно уже попало в папку с надписью «для служебного пользования» верхушки института «Дисциплины» Основания. Эти парни обожали секреты, умели их собирать и использовать, как правило, в виде шантажа.

— Вряд ли, — отстранённо ответил Ник, он ещё не вынырнул из своего рассказа.

— Да, с честью тут у многих не заладилось. Всё равно сиди, думай. Если в течение получаса не придёт моя сестра, считай, повезло. Просто постарайся оказаться подальше от района, когда местный шеф поймёт, что ты мне больше не нужен.

— Твоя кто? — Очередная попытка Ника вырваться в мир живых была почти успешна.

— Сарра, разумеется. У неё фетиш на неудачников. Не раскатывай губу, в другом плане. Она любит дожимать их трагические истории до закономерного финала. Так что если заглянет — ты сам всё понял. — Слегка виновато развёл руками барон.

— Что я должен, чёрт побери, понять? — Ник нахмурился, сразу скривился от боли, причинённой мимическим подвигом и запустившей очередной цикл боли, оглянулся и потянулся за бутылкой.

Лето поднялся, брезгливо посмотрел на почти допитый им стакан пива. Ник хотел что-то сказать — может быть, убедиться, что его поняли верно, — потом молча отругал себя за этот порыв. Клуб давил воспоминаниями, тенями проведённых здесь ночей. Забавно, если этот гадюшник стал для агитатора символом относительно счастливых дней. Теперь же металлические стены смотрели на него как на марионетку, чья жизнь зависит от каприза парочки верхних, которых он искренне ненавидел всю жизнь.

— Бросай бухать, отстаёшь от героического образа в собственной истории. Агента на твою провокацию выбрали на вырост. Слишком ты мелкая сошка для химеры, и парни наши из Чистки, это не её уровень. Полагаю, ты сам уже догадался.

Лето тщательно затушил сигарету в ближайшей к Нику пепельнице, навис над замкнувшимся в себе агитатором, понял, что тот реагировать не намерен, и продолжил:

— Может, ты и не окончательно сгорел, и Сарра найдёт, как тебя применить, не знаю. Тридцать минут. Выйдешь до этого срока один — ты покойник. Пока-пока. — Лето пару раз согнул ладонь поднятой руки на прощание.

Нику показалось, что тот на секунду задумался, не сказать ли ещё какую-нибудь уничижительную гадость. Видимо, решил не тратить впустую время: издеваться сейчас над Ником было сродни поливанию моря из шланга. Лето направился в сторону выхода.

— Слишком дохрена вводных от одного барона. Я уловил: сижу, бросаю пить, думаю о суициде и фетишах твоей сестрёнки. С этим справлюсь, — мрачно проговорил Ник. Ему весьма не понравились намёки Лето.

Агитатор не смотрел, как барон уходит. Сосредоточился на бутылке паршивого рома, в ней осталось больше половины.

— Допью, тогда и брошу.

Ник решил начать новую главу в своей жизни. Держать свой зарок он, разумеется, не собирался.

После недолгих попыток разума воспротивиться очередному акту мазохизма Ник опять начал прокручивать только что поведанную им историю. По чёрт знает какому кругу, уже не первый за пару дней. Во время выстроенного бароном допроса Ник смог припомнить многие детали, на которые не обращал внимания раньше. Сопровождались эти моменты озарения ощущением лёгкой щекотки внутри черепной коробки. Пахнет крупным залётом. «Основание» не признаёт психоотклонения: даже аристократ, уличённый в ментальных практиках, будет наказан. Ник не смог бы это доказать и использовать как компромат в отношении Лето — тот пристрелит его раньше. Решил запомнить на будущее и воспользоваться преимуществами внепланового бесплатного приёма гипнотерапевта:

Это было год назад, почти ровно. Завтра был бы юбилей его знакомства с Шейн. Где-то в верхнем городе романтические парочки могли бы это отметить. Тут с романтикой не заладилось с самого начала.

Клуб «Долг чести»: место сбора городских когорт и лояльных «Чистке» банд, формировавших ауксилию*. Клуб тематический: если у тебя на виду импланты или следы морфирования, лучше заказать напитки на вынос. Еду здесь и вовсе не подавали. Было весело, даже чрезмерно. Выступала традрок-группа «Зов Крови», чью вокалистку вот уже пару месяцев пялил Мигель — местный заместитель бога. Неизвестно, чья была идея, но диффузоры как сумасшедшие гнали в хреново вентилируемый ангар дешёвую смесь стимов и афродизиаков.

Ведущего послали нахрен, и Ник кипятил толпу между треками группы. Ничего особо изысканного, общие тезисы: завтра корпораты, уроды и гики ответят. От искр, что его паства так щедро сыплет на танцполе, разгорится пламя и очистит город от скверны и страховых агентств. Он помнил правило: всегда пинай организации социального страхования — у всех к ним найдутся личные претензии.

Выступление точно не было пиком формы его риторического мастерства, однако народу заходило.

Когда сцену захватывал «ЗОВ», Ник поднимался на второй этаж, в чиллаут. Там же накачивалась компания из двух деканов и центуриона со своими бабами. Подругой одного из деканов она и была.

В темноте, под кайфом, будучи разгорячённым собой и отдачей толпы, он желал бы любую девушку. Тут было что-то ещё. Она выглядела круто: не столько дорого, как шлюхи из Верхнего, спускающиеся в клубы Нижнего выгуливать свою похоть, а именно эстетично и гармонично в образе «плохой девочки в коже». Татуировка переплетённых змей на неприкрытом топом животе, кожаная мини, пирсинг в бровях и, как она позже беззастенчиво продемонстрировала, в языке. Ник без проблем справлялся с отыгрыванием своих ролей, но Шейн принадлежала к другой лиге. Пространство чиллаута стало её сценой в ту ночь. Смотреть, как она сосётся с этим десятником, было непросто. Зависть и ревность под действием веществ трансформировались в мучительный акт эротического созерцания. Даже сейчас, вспоминая те моменты, Ника пробирала боль, дрожь и тянущее душу стремление оказаться там вновь и любоваться ею вечно. Когда представление закончилось, истерзанная душа Ника желала одного. Она застыла в ожидании сигнала, и он поступил. Уже утром они с Шейн пешком доби-

рались до его каморки, доставшейся в наследство от бабки. Под скулой наливался синяк, по центру лба ещё ощущалось давление пистолета декана.

— Пошёл ты нахер! Ты грязь! Не дитё ночи. Ты не способен понять всю драматургию и красоту, чёртов жалкий манекен! — кричал Ник, когда друзья декана силой уводили того, спасая жизнь поехавшему крышей агитатору.

Они пришли в бардак, куда он стеснялся приглашать даже друзей, но мысль отпустить её граничила с самоубийством. Не высказывая отвращения к берлоге павшего проповедника, она нашла в холодильнике пиво, открыла и тут же прильнула к банке, вторую приложила к щеке Ника. Держала секунды три, пока он не догадался её перехватить.

— Было бы забавно, если б он пристрелил тебя, а, Прометей? — со смехом спросила Шейн.

— Откуда ты… — Он застыл в осознании произнесённого имени.

— Забей. Я твоя давняя фанатка. Вернее, была ей. До того, как тебя купили на распродаже после Реконкисты.

Ему стало противно от себя, ушедшее, казалось бы, чувство. Действительно, после того как домашний район Ника стал ареной боёв между Монстрами и Чисткой, агитатор сломался. В тот момент он тупо смотрел в свою записную книжку в коммуникаторе: друзей, ставших свежими трупами, за одну неделю оказалось больше, чем живых. Многих из них он привлёк в РевКом, учил их, что нет никакой разницы между фракциями нижнего — все они марионетки в руках верхних. У многих он почти поборол вшитый на подкорку за время взросления шовинизм, а потом пришли Монстры и всех убили. Агитаторы Чистки получили козырь на многие годы вперёд. За пропагандируемую Ником толерантность после тех событий можно было легко словить пулю даже от лично знакомых.

Церемонией торжественных похорон легионеров Института и установкой памятной стелы Мигель Солано руководил лично. А Ник, он просто устал плыть против течения. Ему казалось, что его друзья, мёртвые и ещё живые, осуждают его за правильные слова. Он не стал в них сомневаться, не отрёкся, просто перестал сражаться в безнадёжных на тот момент условиях. Взял отпуск, сначала на месяц, потом на три, потом ему стало одиноко и тоскливо без любви и обожания толпы. Лейн, который отмечал день рождения, запросил себе в подарок выступление Ника в «Долге чести» в память о павших. Ник выступил и получил, чего так жаждал. С тех пор так и продолжалось: выпивка, наркота, бабы, которые вешались на популярного оратора, далее всё по кругу. Чёртов рай для самовлюблённого агитатора, который не планировал дожить до пенсии. Прометей спал. Когда ненадолго открывал глаза и видел очередную несправедливость, то лишь сгорал от стыда и презрения к самому себе и опять укладывался в спячку.

Впервые за долгое время он попытался оправдаться:

— Знаешь, там всё несколько… — начал было он.

— Сказала же «забей», — вновь прервала Шейн. — Всё равно я твоя поклонница, зря, что ли, так старалась устроить для тебя шоу? — Отведя его руку, она нежно притронулась к получившей удар щеке, провела ниже по шее.

— Что ты несёшь? Я не хотел… — распалился от возмущения Ник.

— Хотел. Неужели способность говорить правду осталась для тебя в прошлом?

Постоянное перебивание уже порядком взбесило его, его также начало крупно потряхивать от отхлынувшего адреналина.

— Ты охренела! Я тебе куколд, что ли? — Он резко отстранился.

Шейн шагнула вперёд и аккуратно прижала указательный палец к губам Ника, прося тишины.

— Расслабься, Ник. Мне понравился твой взгляд, правда. Так смотрел Нерон на пылающий Рим. Я уже люблю тебя. — Она прикоснулась к своему пальцу губами, не сводя с него глаз.

— Бред какой-то, отбивал я тебя не для того. — Ник раздражённо схватил её руку, но так и замер, не желая отпускать.

— Зачем отбивал — ещё успеется. Если ты, конечно, не выставишь меня. Согласна пожить у тебя какое-то время. Раньше жила у Криса. — Оставив руку в его власти, она медленно провела кончиком языка по здоровой щеке Ника снизу вверх.

— Нет, наверное, не знаю. Кажется, это было бы верным решением, — Ник понял, что окончательно утратил контроль над ситуацией.

— Отлично. Я убеждала себя, что ты не мог окончательно сторчаться и спиться, и в тебе осталось что-то от Прометея. Хорошо, что оказалась права.

Шейн с явной неохотой отлипла от него, осмотрела комнату и подошла к кровати, скептически взглянув на неё:

— Покажешь свои черновики, Пром?

Он ошарашенно открыл свою банку.

— Продашь на барахолке разбитых мечт? — с замаскированным под сарказм вызовом спросил он.

— Сломанные мечты и агитаторы мне не интересны, — легкомысленно отмахнулась Шейн.

— Если быстро побежишь, возможно, сможешь догнать Криса, пока тот не подцепил новую, — усмехнулся Ник.

Она подошла к нему, ухватила за ремень, прижалась и прошептала на ухо:

— Не досмотрел? Хочешь попросить на бис?

Так начался этот странный год. Не сказать, что он превратился в сладкую патоку. Шейн постоянно пропадала неделями, объявлялась неожиданно, всякий раз неизвестно, на сколько. Она перетряхнула всю его сущность — он пытался ответить тем же. Выступала его музой, знакомила с людьми, вызывающими и проявляющими интерес. Он третировал её по любому поводу, в котором мог найти зацепку, чтобы раскачать себя эмоционально, не совсем понимая, зачем он это делает, но его ужасала мысль стать для неё и себя рутиной.

Ник возродил канал Прометея и обнаружил, что оброс легендами: одни рассказывали, как его схватили и отправили в био-реактор, другие — что он оказался провокатором, исчез, завершив задание и вернулся на казённую койку. Вторых было меньше. Спарк, его «ученица», не без труда удержавшая выпавшее из его рук знамя, была чёртовски зла и рада одновременно его возвращению.

Нику было несколько неловко отвечать на бесконечные вопросы:

— Почему пропал?

— Почувствовал себя загонщиком скота.

— Что делал?

— Загонял скот.

— Почему вернулся?

— Баба заставила, её это возбуждает.

Требовалось немного поработать над легендой.

Получилось таинственно и неоднозначно: мол, попал под замес при Реконкисте — об этой мясорубке знали даже в отдалённых районах города. Долго приходил в себя и ещё дольше был под наблюдением Чистки: там уйма агентов Основания. За голову Прома они и сейчас готовы платить. Мёртвые идеологические лидеры движения — товар, за который Триумвират всегда щедро платит. Сейчас он отстроился, обнаружил сторонников, способных обеспечить прикрытие. Связи с радикальными крыльями пока не восстанавливал, возможно в будущем, революция победит тчк.

В своё забвение он провалился, когда входил в сотню известных ультралевых радикальных агитаторов, по уши завязанных в работе с боевыми ячейками сообщества. Ну, может,

топ-20. Его исчезновение и возвращение в инфополе искусственно выдернуло его на уровень Гильома и Спартака. Эти мастодонты движения демонстративно благодушно приветствовали вернувшегося из небытия собрата. Из надёжных источников Ник узнал, что люди Така активно форсят* тему, будто Прометей — завербованный провокатор. Гильому вообще плевать — занят. В его круге появился идейный денежный мешок, и они закопались в свои суперпроекты, которые перевернут всё и вся.

Все идеологические лидеры РевКома делились на три типа: анонимные, мёртвые или агенты Триумвирата, коих следовало конвертировать во вторых при первой возможности. Роль судей отводилась командирам бригад. Для контактов с ними даже самые значимые говорящие головы вынуждены были жертвовать своим инкогнито. Без этих гарантий бригады не пустят бойцов под пули. А если за твоей болтовнёй не стоят штыки, значит, ты блогер, а не идеолог. С местным командиром бригад Ник был едва знаком, хотя человека, который должен тебя убить, стоило бы знать, конечно, получше.

Довольно невзрачный мужик лет пятидесяти, не любитель клубов и баров, лысый не по эстетическим соображениям, болезненно худой. Он пришёл домой к Нику через два дня после его чудесного «воскрешения». Шейн, как обычно, не было. Ник перебирал распечатки, которые оставлял только в бумажном виде, — те самые черновики, что хотела глянуть его новая подружка. Забрал их у матери погибшего во время операции бойца. Жек был его другом и телохранителем, назначенным РевКомом. Когда тот пытался эвакуировать Прометея из района в начале вторжения, «Монстры» приняли их за местные формирования «Чистки» и проводили пулемётной очередью. Жеку оторвало руку, парень вытек до прибытия перегруженных медиков.

Ник не любил открывать дверь: у Шейн был ключ, остальные или идут нахер, или выбьют дверь — не привыкать. После второго стука дверь отлетела внутрь. Андрей, командир бригад, заглянул в комнату и ещё раз постучался:

— Николай, не возражаете, я войду?

Вкрадчивый голос стареющего ботаника вызывал желание бежать от предстоящей скучной лекции. Однако делать резких движений не стоило: командиров по блату не назначают, и стрелять мужик точно умел.

— Как ты дверь выбил? В тебе килограмм шестьдесят, наверное, — удивлённо воскликнул Прометей.

— Понимаете, Николай, я коммунист. — Он достал из-за пояса абсолютно неприметный пистолет и неловко, как будто извиняясь за подобное недоразумение, направил его на Ника. — А вот про вас я так сказать не берусь. Не могу быть уверен.

— И как? Ствол придаёт уверенности? Я уже забыл, давно не ношу. Задолбал прикол с мушкой, которую все рекомендуют спилить.

Ник облизнул пересохшие губы. На самом деле ситуация была серьёзная: эти парни крайне трепетно относятся к поиску и ликвидации врагов народа, а о негласных и привилегированных в отношении Ника контактах со Спартаком командиры уровня Андрея знать не могли — и не поверили бы, скажи он напрямую. Хотелось выпить, но ни к чему крепче пива он не прикасался уже пару дней. Хватило ему последствий прошлого загула в виде поселившейся в доме Шейн.

— Настраивает на нужный лад. Зачем вы так, Ник? Я пощадил вас, когда вы сорвались, из уважения к Евгению и вашим былым заслугам. Считал, что вы сгорели, а не предали. Опасно, но мы приняли этот риск. И тут внезапно, как гром. Как глупо вышло. — Голос Андрея был максимально дружелюбным и участливым.

— Я предал, и сгорел, и вернулся, и всё ещё полезен движению.

Он говорил спокойно, как с психопатом, которым Андрей безусловно не был. Ник поднялся, направился к холодильнику, провожаемый стволом пистолета, открыл его, достал пару

банок пива. Жестом предложил одну из них гостю и, не получив реакции, предпочёл не убирать обратно. Открыв одну, вернулся на диван, присосался к пиву. Весь этот спектакль демонстративной уверенности в себе Андрей сопровождал несколько недоумённым взглядом.

— Возможно. Сомневаюсь, если честно, но в достаточной степени, чтобы не пристрелить в затылок как собаку. — Тот выглядел глубоко задумчивым.

— Спасибо. Ты и в лицо мне не стреляешь. Так зачем пришёл, Андрей, какие-то условия или угроза? — спросил агитатор, вытирая губы краем футболки.

— Один вопрос, одно предупреждение и одно напутствие. — Андрей продемонстрировал три вытянутых пальца свободной руки.

— Мне нравится, пока не появился пункт про один выстрел, — воодушевлённо усмехнулся Ник.

— Что вы знаете о гражданке, поселившейся у вас?

Ну, надо же… Ник был готов, что сейчас ему припомнят его многочисленные грешки с «Чисткой» оптом и в розницу. Что этого ботаника-убийцу интересует новая подружка агитатора, было по меньшей мере удивительно.

— Ничего, кроме предпочтений в сексе. Рассказать? Хотя в этом тоже могу заблуждаться — говорят, порой они имитируют.

— Чудесно. Верю. Переходим к предупреждению: нам известно, что она связана с группой Вейстега. Формально они относятся к «Клубу Друзей». По факту выполняют роль координационного центра поддержки операций «Свободы» гражданина Фантома.

Вот как, интересная девочка. Ни про какую группу со странным названием Ник не знал, а вот про террористическую анархо-капиталистическую «Свободу» не только слышал, но и активно враждовал с их агитаторами в сети. Какого лешего их баба забыла в его постели, неужто его вычислили по IP и решили затрахать до смерти — креативно, конечно, но как-то слишком вычурно.

— Любопытно, конечно, мы вроде не прямые враги ни Фантому лично, ни его «Свободе».

Действительно, РевКом и «Свобода» конфликтовали идеологически и конкурировали за право окормлять одну паству, но до вооружённых столкновений доходило редко: обеим организациям хватало боёв с Триумвиратом и его тенями.

— Не враги, пока, — задумчиво пожевав слова, сообщил красный. — Испытываем взаимный и порой обременительный интерес. Мы переходим к напутствию, товарищ.

— Уже товарищ? — позволил себе усмехнуться Ник.

— Авансом. Наш интерес требует реализации. Она шпионит и будет манипулировать вами, Николай, сами знаете. Вероятно, гражданка вас недооценивает. Держите в тайне полученную осведомлённость. Мы передадим дополнительную информацию о её группе. Найдите брешь, используйте её для инфильтрации в группу самостоятельно или РевКом выделит подходящего агента. Бригады верят в вас, если подведёте…

— В твоём плане, Андрюха, «одной угрозы» вроде не было, да и на недостаток воображения не жалуюсь. Ваш заказ выглядит несколько абстрактным.

— Конкретные очертания проявятся в скором будущем.

— Без проблем, я ж вылитая Мата Хари, — скептически заметил Ник.

— Со щитом или на щите, камрад. Бригады отвергнут ложь, что льётся на честное имя Прометея. — Только сейчас посланник РевКома убрал пистолет.

— Не стоит утруждаться. Ты будто не знаешь наших: хлебом не корми, дай работягу во враги народа и провокаторы записать, — Ник легкомысленно махнул рукой.

Андрей вышел и поспешно направился вниз по подъездной лестнице. На втором этаже едва не столкнулся с Шейн.

— Извините, девушка, — Андрей галантно отошёл в сторону.

Она улыбнулась и проскочила мимо.

Андрей спустился и быстро удалился. Шейн же остановилась и проводила его холодным и недобрым взглядом, не предвещающим ничего хорошего командиру вольных бригад.

Глава 5

За спиной Лето остались ржавые покрытые граффити двери «Долга чести» со следами многократных поджогов. Застывшего в проёме бойца пришлось постучать по плечу, чтобы пройти. Тот отступил на несколько шагов и замер, щурясь в сторону солнца и ближайшего охранного пункта.

Сарра была на позиции: стояла, оперевшись о припаркованный напротив выхода байк. Руки скрещены на груди, на лице выражение вселенской скуки. Боец смотрел куда-то вдаль, лишь бы не встречаться с ней взглядом.

Глядя на сестру, Лето никогда не мог понять, где та планирует оказаться: в бою или на дискотеке. Штаны от мотоциклетного костюма, короткий чёрный топ, накинутый на плечи китель легионера Чистки с армированными вставками в месте где сходятся ключицы, новая татуировка в виде нескольких капель крови, падающих на лезвие опасной бритвы. Виски выбриты, светлые волосы средней длины собраны в простой хвост. От неё всегда веяло инфантильным, на взгляд Лето, нонконформизмом, который она использовала как щит от регулярных попыток брата защитить её от невзгод. Создавалось впечатление, что она поставила себе целью жизни всем своим существованием компенсировать строгую дисциплину, которую методичный брат сначала подчинил, а потом и превратил в своё оружие.

— Стрелять на поражение, да? — Она оторвалась от байка, прихватив с боковых креплений вакидзаси.

— Ах, люди! Совсем разучились определять, когда я шучу, — Лето примирительно поднял руки ладонями вверх.

— Действительно. Что может быть проще: когда ты открываешь рот — ты лжёшь! — ворчливо бросила Сарра.

— Не преувеличивай, сестрёнка, иногда я ем.

— Ну или вылизываешь то, что там принято у лакеев Тришки* (жарг. Триумвират).

Стоящий рядом боец немного поёжился, попытался слиться с атмосферой и не выдавать своего присутствия. Это была территория «Чистки», и Сарра, как военный трибун одного из легионов, имела здесь немалый вес. Нарушение, на которое пошёл Мигель, препятствуя ей, могло не в лучшую сторону отразиться на здоровье его людей.

— Блюдца, — услужливо подсказал барон.

Лето умиляло желание сестрицы изображать из себя грозного воина. Вечная юность и азарт, в этом чувствовалось нечто слишком живое. Возможно, именно такие падут первыми в предстоящей войне. Он бы отправил её сторожить стратегически важный куст, вот только сбежит ведь. При всей её игре в уличного самурая, барон не считал её дурой.

В баре клуба остался их брат по Династии в весьма уязвимом виде: Сарра могла его восстановить или добить окончательно, и тогда Джим откусит Лето голову в трёх местах. Барон был почти готов пойти на этот риск. Ник пребывал в слишком шокированном состоянии, чтобы начать свою игру сейчас, а Сарре нужен был кто-то рядом, чтобы обязать её и, возможно, защитить. Данный альянс мог оказаться чрезмерно взрывоопасен, но двое самых нестабильных на данный момент членов Династии могли неплохо сбалансировать друг друга.

— Что, мать? — Сарра явно сбилась с ритма.

— Там принято вылизывать блюдца. Таких называют лизоблюдами, — примирительно сообщил он.

— Разумеется… Так какого чёрта ты не пускаешь меня в этот прекрасный оазис? — сестра недовольно ткнула вакидзаси в сторону дверей клуба.

— Ты не любишь это заведение, давно не была здесь, — отмахнулся барон. — Пойдём прогуляемся немного.

— Прогуляйся-ка самостоятельно, не маленький. Если мальчики будут задирать, покажи им ксиву вылизывателя блюдец. — Она направилась в обход, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Боец, который было выдохнул, вновь напрягся.

— Извини, любезная сестра, — голос Лето стал холоднее и суше; он выставил руку в сторону, где сохранялась возможность проскочить. — Вынужден настаивать.

Трибун остановилась, недовольно скрестив руки на груди. Весь её вид говорил о кипящем внутри раздражении. Однако голос стал спокойнее:

— Скажи мне, Лето, с каких это пор Дисциплина решила, что может заправлять в наших районах напрямую? Что ты вообще здесь забыл и какое отношение это имеет к парню, за которого просил Лейн?

Центурион являлся их дальним родственником, и Сарра дружила с этой ветвью семейства со стороны отца. Эти родичи были прекрасной демонстрацией того факта, что социальные лифты прекрасно умеют ходить вниз. Лето мог бы снова вытянуть его, однако Лейн наотрез отказался, аргументируя это тем, что в гробу он видал всех верхних. Так что пользы от этой дружбы не было никакой, вероятно, именно это Сарру и привлекало.

— Не было времени на передаточные звенья. Ты прекрасно знаешь, что могу заставить всю Чистку петь «джингл-беллс»* (новогоднюю песенку), когда захочу. — Он схватил её за плечо и прошептал на ухо: — Ситуация интересней, чем ты думаешь, сестра. Мы с тобой наперегонки бежали спасать этого парня, по разным причинам, и ты опять осталась позади. Прекращай ломать комедию и веселить окружение. Идём. — Он кивнул в сторону дороги, ведущей к злополучной недостройке.

— Как же меня достали твои игры, Лето, — удручённо произнесла она.

Сарра точно знала о резне и наверняка сделала верные выводы: происшествие связано с тёмным Городом, а значит, входит в спектр её интересов. Но предположить, что Ник — только что пробуждённый старший, она не могла. Он вовремя её перехватил. Она отвела его руку, но согласилась играть по правилам некоторое время и последовала за ним — слишком опасаясь, что Лето засекретит от неё информацию касательно Башни.

Барон повёл их в сторону той самой недостройки, где пропала компания Ника. Ему хотелось своими глазами посмотреть на это место. Скорее всего, никаких внешних следов ритуала уже не осталось, но это не единственное, на что стоит глянуть. Его интересовал энергетический след Шейн, многие выводы он уже сделал ранее, но в этой ситуации даже мелочи могут иметь значение.

— И чего ты хочешь мне поведать? Этот парень ведь был там и выжил. Лейн заверял, что этот Ник не совсем спятил.

— Верно. Более интересна причина его везения, не находишь?

Лето взял её за руку, ладонь в ладонь, сжал, как в детстве, когда они гуляли втроём с Фёдом. Она не поняла этого маневра, подозрительно посмотрела на него, ожидая какой-либо подлянки или продолжения фразы. Удостоверившись, что её внимание полностью сосредоточено на нём, барон продолжил:

— Ник — один из нас, такой же, как я, ты и Фёд. В городе он оказался по приказу Джима. Тот направил своего агента — кстати, ещё одну нашу сестру по Династии провести инициацию парня, пока это не сделал Хаос. Она крутилась с Ником почти год, потом завела его в тёмный Город и оставила там в компании чудищ и Башни.

Сарра долгую минуту молча переваривала эту информацию.

— Вот же хрень… А как же народ, который там пожрали? — возмутилась она.

— Они всего лишь капля в ожидающем нас море крови и слёз, — философски ответил барон.

— Вот же хрень… — повторила она, как мантру. — И что теперь, заберёте его в счастливую жизнь верхних интриганов?

Лето свободной рукой отмахнулся от озвученного ею варианта.

— С этим не выйдет, такой же упёртый, как и ты. Так что думаю, вам стоит составить временный тандем. Особенно учитывая, что тебе потребуется помощь в твоих планах касательно Гидры и экскурсии в Город.

Она замерла на миг, зло посмотрев на брата.

— Какая сука тебе стучит?

Сарра прикрепила свой вакидзаси на ремень. Свободной рукой достала пачку, выбила из неё сигарету и прикурила от бензиновой зажигалки.

— Может, Фёд? — попытался угадать Лето.

— Мы договорились с ним, он обещал молчать, — разочарованно произнесла она.

— Ну конечно, в нашей семье врать умею только я, — произнёс Лето, изображая негодование.

Он зеркально скопировал манипуляции Сарры с сигаретой. Получилось значительно быстрее. Этим он заслужил очередной недовольный взгляд. Не обратив на это внимания, продолжил:

— В твоей операции меня смущает многое: это глупо, опасно и едва ли сработает. Принимая в расчёт, что перечисленное тебя не остановит, выскажу главное: твои ходы рассчитаны и непременно будут парированы другой стороной. Ник же является неизвестным для противников фактором. Хотя вынужден оценить его уровень подготовки как крайне плачевный.

Больница располагалась в конце той же улицы, где примостился «Долг чести». Холодные тёмные дома, пустые улицы. Несмотря на ещё светлое закатное время, по пути им попались всего две небольшие группы подростков, вечно не находящих себе места, поблизости от них явно тянуло травкой.

— Фактор? Мне не нужна нянька и присматривать ни за кем не намерена. У меня нет сторон в ваших разборках, просто не мешай моей прогулке в Город. Все ваши интриги и планы вызывают лишь головную боль, — угрюмо прокомментировала сестра.

Молодёжь спешно посторонилась, пропуская странную парочку. Даже не зная этих двоих, они быстро сообразили, что не стоит нарываться. Легионерский китель в этих районах никто не рискнёт надевать ради красоты.

— Сторона у тебя есть, общая для нас. Касательно планов, извини: кто-то должен заниматься скучными взрослыми делами, пока ты живёшь свою лучшую жизнь, — с показным раздражением заявил Лето.

— Ты ведь не рассчитываешь, что я поменяю планы только потому, что не захочу показаться предсказуемой какому-то гику (жарг. адепты Церкви Превосходства) или уроду (жарг. адепты Развития «Вида»)?

Раньше массивная шестиэтажная коробка муниципальной больницы была огорожена бетонной оградой, но местные группировки давно растащили её на нужды фортификации. Местный муниципалитет, находившийся под полным контролем Чистки, никак не находил ресурсов возобновить строительство или снести здание. С продажей в частные руки тоже не заладилось: корпорациям, лояльным Основанию, объект был неинтересен — слишком дорого приводить его в порядок. Церковь и Развитие не планировали обзаводиться такими соседями, как институт «Чистоты».

Внутри веяло тревогой. Будто опустился занавес, отделяющий от остального мира и оставивший наедине с призраками несвершившихся надежд. От проклятого места несло кровью. Три года назад, во время последней войны с «Монстрами», тут кипели бои. Закончились они Реконкистой «Чистки» — серией масштабных операций, на которых центурион Сарра Лейн получила своё боевое крещение.

— Информированностью дело не ограничивается, услышь меня! Тебе будут противодействовать. Мне неприятна даже мысль, что ты явишься с ножом на перестрелку. — Он посмот-

рел на её вакидзаси и сжал ладонь сестры сильнее. Сарра в качестве ответной реакции впилась ногтями в его руку.

— И каков твой несимметричный ответ? — уточнила трибун.

— Проявляются некоторые очертания возможного успеха, если ты соизволишь усмирить свой норов. До сегодняшнего дня планировал посадить тебя под замок, притом этот сценарий я ещё не откинул, — рассмеялся Лето, разгоняя сгрудившийся вокруг них мрак.

— Убью гада и заселю в твоё тело Фёда, — пробурчала она.

— Думаешь, такое возможно? — весело спросил Лето. Закончив осмотр пустого холла, он направился вниз, к эпицентру ритуала по открытию аномалии, которая проглотила группу Ника.

— Сложно сказать. Обсуждали это с ним как-то, исключительно гипотетически, разумеется. Вселяться в тело человека, мага, демона и даже вакантного одержимого безуспешно пытались, но с твоим может сработать.

— Мило.

Он чувствовал значительную долю ответственности за это происшествие на крыше больницы: ведь именно он когда-то отпустил эту химеру — крысолова, который игрой на дудочке очаровал и увёл сюда «детей».

— Я знаю, что вы затеяли с Джошуа из Солстайса, и склонен санкционировать эту операцию, разумеется, неформально. При условии, что Ника ты возьмёшь с собой в качестве страховочного троса.

— Скорее балласта. На кой чёрт он там нужен? — возмутилась она.

— Он — ценная инвестиция Джима: если что-то пойдёт не так, его будут вытаскивать, и тебя заодно. Повторяю, это моё условие. Или пеняй на себя и не забывай писать слезливые просьбы о свидании.

Она зябко поёжилась, пристально посмотрела в глаза Лето и медленно высвободила руку:

— Решил вложиться по примеру своего мутного наставника, брат? Этот Ник вообще того стоит? — с сомнением спросила она.

— Вот ты и расскажешь. Считай побочным заданием. Он непонятный, какой-то оторванный. В общем, тёмная лошадка. А Джим редко ошибается в подобных вопросах.

— Ладно, присмотрю за парнем, со мной будет в полной безопасности, — рассмеялась она.

— Чтобы моя сестрёнка не плакала от свалившегося счастья, скину тебе горячую информацию по интересной точке ложи «Шипов». Ты ведь их ещё не простила?

— Почти. Там фигня-претензия, всего-то принесли в жертву младшего брата моего мужа, — зло выговорила она.

— А, этот центурион, — недовольно прокомментировал Лето. — Брак, надеюсь, гражданский?

— Все браки заключаются на небесах, брат мой. — Она потянулась на цыпочках и поцеловала его в лоб.

Глава 6

Снег валил три часа, покрывая пространство вокруг площади «Синергии» и ухоженный экопарк Сити холодной слякотью. Многоуровневые дороги намертво встали в пробку. Робкий белый покров пытался придать происходящему ощущение мимолётной красоты, спасая положение в кадре.

Полотно сегодня вышло занятным: суета и умиротворение. Джим не считал себя художником, хотя не отрицал, когда люди подмечали эстетические моменты в его работах. Задачи были всё же иные, в операциях «Свободы» красоте отводилась роль камуфляжа. Порой обходились и без неё.

Саботаж, проведённый возглавляемой Фантомом организацией на турбинах климатических установок центрального округа, был обусловлен двумя значимыми соображениями, вылившимися в приказ «действовать незамедлительно».

Первая: демонстрация вопиющей недостаточности уровня безопасности центрального округа столицы. В нём сходились интересы всех трёх великих идеологий. А значит, ни одна из них не могла претендовать на безусловное управление ресурсами, обеспечивающими безопасность совместного имущества и сотрудников офисов корпораций, базирующихся в Сити. Инструменты были переданы специально созданной для этих целей компромиссной организации под названием «Синергия». В её управлении присутствовали контролёры всех заинтересованных фракций. Организация была скована огромным количеством ограничений, раздираема внутренней грызней и коррупцией. У каждого участника имелось собственное видение правильного функционирования «Синергии».

В течение многих лет Джим, сперва только вместе с Евой, затем и при поддержке Лето и Сира, добивался полного контроля над этой организацией. Как только преуспел, незамедлительно начал её реформирование под свой уклад.

Джеймс Крейд уже в роли лидера согласовал и утвердил новое название: «Дефендорат». Шаг за шагом, при помощи союзников и контролируемой оппозиции, Джим снимал неудобные ограничения и наращивал влияние организации. Сегодняшняя диверсия послужит предлогом для очередного расширения полномочий, заведения под контроль Дефендората дополнительных технических средств и увеличения штатной численности персонала. Дискредитации он не опасался: все стрелочники определены, инструкции для говорящих голов донесены со скрупулёзной точностью. Вскоре совокупность всех мелких песчинок позволит открыть новую и самую значительную в истории этого мира главу для скромной организации с безумным бюджетом и уникальными полномочиями: принимать командование над вооружёнными силами идеологий на подведомственной ей территории.

Вторая причина: у Джима сегодня было свидание, которого он долго ждал и ещё не менее долго пытался избежать.

Они расположились на крыше «Веры в будущее», небоскрёба высотой в шестьсот метров, выступающего неофициальной штаб-квартирой Триумвирата. «Развитие Вида», «Церковь Превосходства» и «Основание» содержали здесь весомые представительства, наделённые экстренными полномочиями для урегулирования кризисных ситуаций. Возможно, благодаря «Вере» поколение молодых рыцарей «Церкви», дворян «Основания» и исполнителей «Вида» не обнажало свои клинки в серьёзном конфликте уже более двадцати лет. Джим знал: текущее поколение вытянуло самую короткую спичку.

Магистр наблюдал за медленно падающим снегом. На высоту сто шестьдесят четвёртого этажа почти не долетали суетливые звуки Сити и шум клаксонов безнадёжно опаздывающих по делам или домой автомобилей. Тишина и спокойствие ожидания резко контрастировали с ощущением внутреннего беспокойства, одолевающим лидера ордена Деконструкции, «Сво-

боды», «Дефендората» и Династии. Слишком много масок и ролей, слишком мало при этом самого Джима, выглядывающего из-под завала непрестанно множащихся функций и обязанностей.

Святой инквизитор Димитрий Яго, отвечающий сегодня за безопасность Джима лично, подвёл Беллу к магистру. Яго передал условный знак, обозначающий, что ситуация находится под его неусыпным контролем и магистр может отвлечься. Затем он коротко кивнул, не афишируя принадлежность к Церкви традиционным поклоном, внешний вид так же не выдававший в нём инквизитора, и бесшумно ушёл, оставив тёмные мокрые следы на тонком снежном покрове.

Химера была отражением его снов. Она сбежала из них, чтобы стать целеустремлённой куклой Спящего. Главной героиней разыгрываемой им пьесы, игрушкой, переданной на временное хранение Джиму с разрешением немного поиграть, пока не придёт время вернуть настоящему владельцу. Осознаёт ли она свою роль, устраивает ли она её? Протестует? Смирилась? Изначально не видит в ней ничего предосудительного? Он не был готов узнать ответы. Также не будет спрашивать о том, как лично Джим представляется ей. Едва ли его устроит образ, даже если она решит ответить откровенно, хотя на это не было никаких предпосылок. Он захочет изменить, повлиять, вмешаться более, чем должен.

Его со Спящим позиции расходились всё дальше и дальше. Белла может выступить мостом, не дав распасться столь необходимому этому миру альянсу или, напротив, стать причиной ещё большего разлада, если Джим переусердствует в своих попытках установить контроль. Слишком хрупкая грань, следует ступать аккуратно, чтобы не растоптать грёзы, иначе они могут обернуться кошмаром.

Джим забыл дышать. Образ, запечатлённый на картине: Ангел в свободных белоснежных одеждах на крыше и подступающее к ней пламя от города, утопленного в огне. Он видел и любил это изображение. Теперь же перед глазами Джима был иной вариант, его личный: небоскрёб, Белла в чёрном обтягивающем платье в окружении снега, застилающего мир вокруг. Негативная версия иконы, дарующей надежду. Что же олицетворяло тогда её зеркальное отражение?

Он воспринимал её особым образом, и если бы Джим поставил себе задачу описать химеру, вряд ли это дало бы верное представление. Лицо чуть более узкое, чем того требовали каноны конвенционной красоты, придавало ей вид хищника; черты его при этом были идеально чёткие, но не излишне угловатые. Длинные чёрные волосы убраны в простую прическу: целомудренно и развратно в равной мере. Белла — шпион и соблазнительница, Джим прекрасно понимал, что она использует своё тело и все связанные с его применением таланты как инструмент, подобно художнику, использующему кисть. Да и задачи были вполне сопоставимы: повлиять на мир в угоду собственным представлениям о правильном и прекрасном.

С глазами было сложнее. Джим попытался в них не смотреть: там было слишком много тайн, общих для них двоих. Он верил, знал, помнил, что их лучше не разгадывать. Не потому, что они сложные и мрачные или служат неиссякаемым источником боли, но по причине того, что он всего лишь похож на человека, для которого они предназначены. Это было сродни чувству мерзкой и пошлой подмены отсутствующего брата-близнеца на его супружеском ложе. Даже если обман не раскроется, перевёртыш всё равно будет насильником и грязью.

Не говоря ни слова, он подошёл к кажущейся прозрачной и хрупкой на фоне снегопада фигуре и накинул ей на плечи припасённое шерстяное пальто. Она благодарно кивнула и первой нарушила молчание, тянувшееся за их взаимным созерцанием:

— Надеюсь, мне не придётся вызывать такси после, — Белла подняла воротник выше. Неожиданные 5 °C — и продолжает падать: +15 °C было всего три часа назад.

— Я не вижу будущее, — Джим поправил маску-респиратор. В комплекте с накинутым капюшоном от худи составить его портрет было проблематично.

На девушку был оформлен одноразовый дипломатический пропуск, липовый, но проверка выявит это только через шесть часов, при сверке базы с сервером ордена «Покрова», другие подмену не вскроют.

— Видеть не нужно, контролировать вполне достаточно. Ходят слухи, это твой профиль, — голос Беллы содержал скрытую претензию, но пока она не торопилась перейти к прямым обвинениям.

Джим видел её вживую второй раз и всячески пытался стереть из памяти первый.

— И снова мой пиар-отдел выпрашивает себе премию. Полагаю, ты злишься, что я не встречался с тобой лично после эвакуации. — Джим пытался, чтобы голос не выдавал его излишнюю неловкость.

— Злюсь — это мягко сказано. Не уверена, что я тебе лояльна. Ты меня вытащил, долг возвращён. Процесс мне не понравился.

Белла поёжилась, подошла к краю крыши и немного перегнулась через ограждение, пытаясь рассмотреть землю.

— Полагаю, были и хорошие моменты, не так ли? — Джим пытался подстроить тон речи под окружающую среду.

Она посмотрела с ожидаемой им яростью:

— Не понравилось — и точка. Обойдёмся без деталей. Зачем ты поручил именно мне финальную часть? Это мог быть кто угодно.

Белла перевела взгляд на горизонт.

— Были причины. Помимо того, что ты нуждалась в освобождении, на которое вряд ли решилась бы самостоятельно, — спокойно сказал Фантом и подключил трубку к респиратору. — Уйдёшь — не получишь своих ответов.

— Правильно было бы послать тебя к чёрту, вместе со всеми вопросами и ответами. Я отказываюсь от игр вслепую. Но я слишком любознательна и попробую в последний раз. — Она резко развернулась и посмотрела магистру в глаза. — Что это за место? Башня? Почему именно Ник и я?

Если бы Джим не исчерпал свою способность к удивлению очень давно, то непременно применил бы её, задумавшись над вопросом: «Почему снежинки не шипят, когда соприкасаются с ней?»

Он затянулся: по трубке, уходящей за спину, побежало голубоватое сияние, выдох выбросил цветной пар из чёрных прорезей. Наркотик, стимулирующий скорость передачи электронных сигналов в мозгу, подействовал мгновенно: реальность стала чётче, всё окружение явило свою скрытую ранее дополнительную фактуру и глубину. Время замедлилось, он мог проследить и рассчитать путь каждой молекулы пара, срывающейся у Беллы с её прекрасных губ.

— Место, где мы сейчас, этот небоскрёб, соответствует башне в Городе, — слегка отстранённо произнёс он.

— Я спросила не это! — она вытерла рукавом нос.

— Решил пойти от простого к сложному. Сегодня мы откроем новый уровень нашего доверия и коммуникации. Заверяю тебя, отныне ты будешь подробно информирована перед началом следующей фазы.

Джим напомнил себе: не увещевать, не успокаивать, не высказывать ни малейшего намёка на чувство вины, только предоставлять данные. У него это получалось.

— Перед этим тебе стоило соврать о важности проделанной мной мерзости. Что была великая цель. Всё равно не поверю в эту ерунду, но ты мог бы попытаться, я могла бы притвориться.

Ей было горько и больно, причиной этого был Джим. Лучше, чем ничего, однако его несколько смущал предмет, вызвавший это проявление.

— По определённым причинам предпочту не врать. Твоя последняя операция — часть выполнения сделки, в результате которой мы обретём шанс. Предательство же — вопрос многогранный, его не стоит сводить к однозначному тезису. Пробуждение допустимо трактовать как убийство «я» спящего. За него ненавидят, но порой остаться спящим — худший выход, увы, для многих — единственный. Мы же с тобой обладаем проклятием и роскошью выбора проснуться.

— Какой сон и пробуждение? Кто этот монстр? Зачем? Какая сделка у тебя с ним? Шанс на что? Ты не отвечаешь ни на один вопрос!

Белла быстро приблизилась и слегка поднялась на носках, чтобы заглянуть Джиму в глаза как можно ближе, уперевшись носом в маску респиратора, обнимая его голову руками.

Джим закашлял, освободился от неожиданного физического контакта, затем отошёл на шаг.

— Я отвечаю, но наши понятийные ряды расходятся слишком значительно. Тебе нужна информация? Ты получишь её без значимых ограничений. Тебе нужна вера, что все наши грехи будут искуплены? Я готов отпустить их тебе, приняв на себя. Стоит ли игра всех затушенных ради неё свечей? Да, однозначно. Увы, даже больших жертв. И мы их непременно принесём.

Простой жест, минимальный физический контакт и от его самоконтроля не осталось и следа, слишком просто она вывела его, буднично.

— Мне это очень не нравится, Фантом. — Она больше не предпринимала попыток приблизиться и смотрела сквозь него. — Мы идём внутрь или твой ингалятор противопростудные препараты подаёт?

— Идём. — Джим в последний раз глянул на парализованный центр города. — Это одна из причин, почему я так долго откладывал наше знакомство.

— Какая? Экономия на лекарствах? — Белла уже в который раз шмыгнула носом.

— Я могу чрезмерно эмоционально реагировать на тебя. Напоминаешь мне кое-кого. Мне удручающе редко удавалось победить её в спорах. Своим существованием ты провоцируешь на попытку реванша.

— Опять несёт, да? — сочувственно спросила Белла.

— Не обращай внимания. У твоего босса есть и положительные стороны: например, я террорист номер один.

— Да ещё и пикап-мастер. Какое печальное сочетание. — С демонстративным сомнением и ощутимой задержкой она приняла предложенную руку и направилась с ним внутрь здания, которое так часто видела во снах. — Ну, здравствуй, Дефендорат, — тихо произнесла она.

***

Спектакль, в котором Курт повёл себя как шестиклассница, хотя стыдно ему за это не было, закончился так же неожиданно, как и начался. Сир выдал ему поручение отыскать Шимо — того самого типа, который три года назад проходил основным подозреваемым по делу.

Списки причастных утратили актуальность, подозреваемый — невидимка, свидетели и детективы мертвы, данные удалены. Сир обещал защиту и демонстрировал уверенность, что она сработает как нужно. Вот только прошло три года, весь маршрут зачистили, значит, нужен другой подход. Нужно чудо, а лучше — чудеса.

В прошлый раз детектив месяцами носился за этим Шимо. Неуловимым, мать его, Шимо. Сынок верхушки Основания с каким-то изъяном, приведшим его в плохую компанию, у которой в решающий момент амбиций оказалось больше, чем надёжных друзей в верхушке Триумвирата. Хотя там мутная история — лучше не лезть слишком глубоко. Поправка: лучше было не лезть, сейчас же дефицит вариантов диктовал иное. Этот культ «Хайресис», они же «Еретики», к которому принадлежал Шимо, после разгрома «Церковью» лет пять назад довольно плотно лёг под «Вид», а наниматель Курта располагал в нём заметным влиянием.

Сир передал Курту короткий файл с дополнительной информацией об объекте поиска, примечателен он был уровнем оказанного доверия. Детектив убедился, что его непременно прикончат. Хорошо, если после дела. Курт окинул взглядом короткое изложение.

Формально Шимо — сынок ректора института Процветания, нагулянный его супругой. Какой дурой надо быть, чтобы в Основании, где каждого ребёнка кладут под микроскоп для проверки генома на отклонения, понести не от мужа, — вопрос остаётся открытым; вероятно, там не всё так просто. Парень оказался очень обеспеченным позором семьи, с нулевыми карьерными перспективами и уймой свободного времени. Опасная смесь: она тянет в нижний город, но жаждет элитарности. Что привело его к еретикам. Его крёстным стал епископ Аматей. Он принял его в веру и приблизил. Доступные Шимо ресурсы, стремление и огонь в душе открывали перспективы в руководстве культа. Значимых навыков у парня не было, и епископ тренировал его под свои потребности. Шимо стал тенью епископа, личным агентом влияния и возмездия.

Когда Аматей стал архиепископом и фактически возглавил культ, зона и масштаб операций Шимо значительно возросли. У них было достаточно сторонников и агентов в организациях Триумвирата. Из «Вида» поступила информация, что один из учеников Маршала — Сир, серьёзно болен. Не существует заболеваний физического характера, которые «Вид» не мог бы починить. Парень съехал с катушек: во сне и наяву его преследовали образы того, как его, распятого на гигантском дереве, окружают звери, с каждым разом подходя всё ближе. За каждый отрезок сна звери приближались и вскоре его должны были сожрать. Видения были настолько реалистичными, что у Сира на теле появлялись следы от укусов и рваные раны. У наследника маршала и без этого характер был не сахар, как заявляют, а на фоне переживаний совсем испортился. Охрана — исключительно внешняя, визиты специалистов — только под прицелом мощнейших транквилизаторов; они часто пригождались и не всегда гарантировали безопасность визитёров.

Аматей добился встречи с генералом ветви «Созидания», отцом Гедона, и предложил услуги культа в терапии ученика маршала. Шимо на встрече присутствовал. В дальнейшем его пребывание у Сира стало нормой. Терапия архиепископа не помогала, в отличие от бдений Шимо. Возвращался он с этих дежурств утомлённым и выжатым. Шимо купил Сиру несколько ночей спокойного сна, позволив разуму того отскочить от пелены полного безумия, за которую тот уже рисковал шагнуть.

Развязка произошла внезапно. Один из прикреплённых сервов-охранников, позже выяснилось, что он был подменён, нарушил карантин и вторгся в покои Сира, когда шло очередное дежурство Шимо. Оно должно было стать последним. Менее чем за месяц еретик потерял двадцать килограммов; энергия отказывалась оставаться в его теле. Он шёл на дежурство, увешанный всеми возможными накопителями, и с уверенностью, что не переживёт эту ночь. В ту ночь они исчезли оба: Шимо и серв-шпион, которого позже исполнители безопасности «Вида» опознали как Джеймса Крейда — выходца из церковной элиты, обладающего синекурой* (хорошо оплачиваемая должность, не требующая серьёзного труда, ответственности или постоянного присутствия на рабочем месте), что прямо указывало на его связь с орденом Деконструкции.

После смерти Аматея и разгрома культа уцелевшие еретики приняли вассалитет от «Вида». Шимо не мелькал на радарах, несмотря на многочисленные попытки якобы излечившегося той ночью Сира его обнаружить.

Еретики не держали Шимо в чулане всё это время, но, вероятно, там остались нити, которые сумеет связать Курт. Говорят, в их клубе поганая кухня, приемлемый бар и наркота, а также красивые бабы.

— Не худший набор, чтобы отметить возвращение на дорожку, в конце которой ждёт голодная бездна и острые зубы, — философски заметил Курт, откладывая папку с материалами дела.

Глава 7

Ник настолько утонул в воспоминаниях и роме, что не смотрел на время. Глянул только когда входная дверь клуба открылась: шла двадцать восьмая минута. Выходит, шанса уйти ему не предоставили.

Он попытался сфокусировать взор на госте, посетившем его вечеринку, однако ром внутри агитатора был против. Ник даже подумал, что ответственный по закупкам выпивки в клубе решил слегка сэкономить, и у агитатора начались проблемы со зрением. Пятно света не исчезло вслед за захлопнувшейся дверью, а стало неторопливо приближаться. Он видел подобный свет не так давно, в этом чёртовом Городе: такой же холодный, жадный и очень спокойный и родной свет. Он тянулся к нему, и Ник тянулся в ответ. Когда пятно подошло ближе, агитатор моргнул, наваждение пропало, будто сон. Это была всего лишь баба.

Он видел таких на парамилитарных тусовках пилотов вайперов или байкеров, в качестве дам клубов. Максимум воинственности, уйма демонстративного пренебрежения. Очередной провокатор, этим она напоминала Шейн. Свет больше не слепил, однако Ник не мог отделаться от ощущения, что вошедшая ему знакома: не внешний вид, не запах, который он ещё не успел почувствовать, что-то на грани. Если Лето казался ему давно забытым товарищем, то Сарра — а это, очевидно, была именно она, как и Шейн, воспринималась его женщиной. Бывшей или будущей — непонятно. Её вакидзаси его тоже заинтересовал. Ник ничего не понимал в этой самурайской мишуре, но клинок, точнее этот нелепый образ, тоже казался знакомым.

— Да, красавчик! Что с лицом, спрашивать не буду, — она медленно дошла до столика, не сводя с него взгляда.

— Упал, — улыбаться было больно, Ник и не пытался.

— Ты охренительно неловкий, чёрт, — констатировала она. — И как до сих пор шею себе не свернул?

Сарра не остановила движение и обошла агитатора по кругу, подобно акуле, чем спровоцировала приступ головокружения при попытке не упустить её из вида. Ник бросил эту затею и стал терпеливо ждать, когда она вновь окажется в кадре, чтобы ответить:

— Лето сказал, именно ты собралась мне в этом помочь.

Ник присмотрелся к бутылке: там остались крохи на самом дне.

— Надо же! Выходит, я несправедливо обвинила его в постоянном вранье. — Она резко приблизилась, забрала бутылку и, прикрыв правый глаз, посмотрела сквозь неё на свет, льющийся из зарешечённого окна. — Да, я собираюсь взять тебя с собой в Город. Буду решать свои дела, возможно, ты сможешь опознать место, где проиграл наших ребят.

— Меня в Город? — ошарашенно спросил Ник. — Можно, конечно, а зачем? Точнее, даже нахера? Тебе тоже не рекомендую, если не хочешь, чтобы от тебя половину оторвали, а второй закусили.

На Сарру сказанное не произвело ни малейшего впечатления, только выражение взгляда сменилось с любопытствующего на слегка презрительный:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.